ПИОНЕР

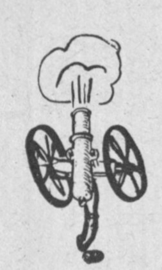
13

1929 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

ПРИЕМ ЕЖЕДНЕВНО

ВОПРОС:

Из чего делают порох?

Гладков, Самарканд.

ОТВЕТ:

Порох делают из калийной селитры, серы, угля и воды. Все эти вещества смешиваются и измельчаются до тех пор, пока получается одна темносерая сплошная масса. Из этой массы, путем дальнейшей переработки, получается порох разных сортов.

ВОПРОС:

Почему Америку назвали Америкой?

Фрольеков Иван, с. Канино, Сам. вол., Рязанск. у.

ОТВЕТ:

Обычно принято считать, что Америку открыл Колумб. Это не совсем верно. Колумб, действительно совершив кругосветное путешествие, открыл ряд новых островов, о которых раньше никто не знал. Для того времени это событие имело очень большое значение. Колумб заинтересовал своим открытием очень многих путешественников. Из них выделяется испанец Америго Веспуччи, открывший большую часть современной Америки. Америго Веспуччи произвел очень много научных исследований этой новой страны. И вот по имени этого крупнейшего путешественника и исследователя новая часть света была названа Америкой.

К РИСУНКУ НА ОБЛОЖКЕ

Первый воздушный шар был построен братьями Монгольфьер 5 июня 1783 г.

На обложке нарисован пуск первого воздушного шара. Шар построили братья Монгольфьер, поэтому легко догадаться, что такое монгольфьер и почему он так называется.

В этом номере напечатан рассказ «Полет герр Думмкопфа». Думмкопф по-немецки глупая голова. Его изобретение, конечно, никогда не существовало, как не было и самого Думмкопфа. А для того, чтобы показать, каков был настоящий первый воздушный шар, мы напечатали эту обложку.

ВОПРОС:

Как сделать электрические элементы и звонок?

Якушов, г. Саратов.

ОТВЕТ:

Электрические элементы делаются довольно просто. В ящик вставляются четыре обыкновенных чайных стакана, налитые 10-проц. (можно 5-проц.) раствором серной кислоты. В каждый стакан вставляется цинковая и медная пластинки, между ними помещается угольная пластинка, а на них, чтоб не распались, надевается резиновое кольцо. В раствор серной кислоты, когда пластинки находятся уже в стаканах, бросается несколько кристаллов медного купороса. От каждой пластинки отходит проволока и их можно составить в одну цепь. Для этого нужно соединить все проволоки, отходящие от медных пластинок и отдельно от цинковых. Можно еще цепь сделать так: соедините проволокой медную пластинку одного стакана с цинковой пластинкой другого, а медную пластинку второго с цинковой третьего и т. д. Когда все стаканы так соедините, получится цепь, и по ней пойдет ток.

Цинковую пластинку нужно раньше прочистить наждачной бумагой, затем протереть ее ртутью, иначе ее разъест серная кислота.

Для этого элемента нужно 50 грамм медного купороса, 70 грамм серной кислоты, а ртути нужно всего несколько капель. С серной кислотой нужно очень осторожно обращаться.

Эти элементы можно использовать для электрического звонка, об устройстве которого можно подробно прочесть в книжке Смирнова—Начальные работы по физике.

ВОПРОС:

Что такое бумеранг и где можно о нем достать книжку?

Давидович, г. Ртищево.

ОТВЕТ:

Бумеранг—оружие австралийцев. В Австралии еще есть совершенно дикие племена, где не знают ни о каком огнестрельном оружии. Они применяют более простое оружие—луки с отравленными стрелами, копья, бумеранги, летающие топоры. Бумеранг—это обычная палка, но с весьма своеобразным концом. Его легко можно сделать из бумаги, картона, дерева и т. д. Выпущена специальная книжка о бумеранге, стоит она недорого, всего 35 коп., а с пересылкой 40. Выписать ее можно по следующему адресу: Ленинград, внутри Гостиного двора, 118, Научное книгоиздательство.

Адрес редакции журнала «Пионер»—Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия».

Редколлегия: Б. Ивантер, И. Халтурин. И. Желобовский, И. Разин, М. Эпштейн

Отв. редактор И. Разин.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ИЮЛЬ
№ 13

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ПОЛЕТ ГЕРР ДУММКОПФА

Рассказ Б. ЛЕВИНА
Рисунки Г. БЕРЕНДГОФА

Глава первая

Лет девяносто тому назад в немецком городе Швабштадте жил знаменитый ученый по имени герр Думмкопф. Слава о нем прокатилась далеко за пределы его родины. Недавно в Швабштадте соорудили в честь его памятник: на главной площади поставили большую каменную глыбу, заостренную кверху, в виде острой башни, на башню посадили гигантскую бронзовую муху, а верхом на муху — мраморную статую самого герра Думмкопфа, маленького лысого старичка в халате и туфлях.

Несмотря на это, жизнь и приключения герра Думмкопфа известны очень мало. И только теперь, через семьдесят восемь лет после его смерти, мы взяли на себя труд рассказать, наконец, о замечательном приключении этого великого ученого.

Герр Думмкопф был человеком маленького роста, плешивым и очень робким. Тридцать лет под ряд он прослужил писцом в городской думе Швабштадта. Жил он одиноко, на Урштрассе, у толстой фрау Шмидт, ни к кому не ходил и ни с кем не водил дружбы. Так он прожил до пятидесяти шести лет. А тут его уволили со службы. В первые дни, сидя дома без дела, герр Думмкопф очень скучал. Но потом достал у фрау Шмидт толстую поваренную книгу и от нечего делать принялся ее читать. Книга ему понравилась. Он пошел в городскую библиотеку и принес оттуда целую пачку книг. С тех пор герр Думмкопф начал целыми днями просиживать над книгами. Читал он, главным образом, толстые, обстоятельные книги по математике, по физике или по сельскому хозяйству — читал с удовольствием.

Слава об ученых занятиях герра Думмкопфа прошла по всему городу. Многие начали его именовать даже „герром доктором".

В результате такого усиленного чтения у герра Думмкопфа появилась привычка обо всем размышлять, например, увидя из окна своей комнаты человека, идущего по улице, герр Думмкопф тотчас начинал думать о нем: „этот человек, — размышлял он, — во время ходьбы усиленно машет руками. Хорошо. Сейчас вообразим, что он лишился одной руки, скажем, левой. Будет это мешать его ходьбе или нет? Если он приделает себе искусственную руку, то, конечно, мешать не будет, а если он приделает себе одно только предплечие, как тогда?" Звук трубы толкал его на размышления о музыке: „музыка, — рассуждал герр Думмкопф, — есть сочетание целого ряда музыкальных звуков. Музыкальные же звуки извлекаются из разных инструментов по-разному: по скрипке водят смычком, в барабан бьют, в трубу дуют. Хорошо. Сейчас вообразим, что в скрипку стали дуть, по барабану водить смычком, а по трубе бить, какие же звуки получатся? Те же ли, что раньше, или другие?" Самые интересные свои размышления герр Думмкопф аккуратно записывал в большую конторскую тетрадь.

Так прошло три года.

Глава вторая

Муха на памятник герра Думмкопфа поставлена не напрасно. Именно с мухи началось его приключение.

Однажды утром герр Думмкопф проснулся от непонятного шума: что-то рядом жужжало и трещало, как молотилка. Герр Думмкопф открыл глаза, увидел, что над его носом летает большая мохнатая муха. Привычка размышлять обо всем сказалась. Глядя на полет мухи, герр Думмкопф впал в размышление.

„Как странно она летает, — подумал он, — даже непонятно как-то. Птица летает — так она крыльями машет. Курица, чтобы пролететь два шага, и та крыльями бьет. А эта расправит крылышки и летает. Хорошо. Допустим, что крылышки ей служат для того, чтобы держаться в воздухе. Но чем же, спрашивается, она передвигается вперед и управляет? Ножками, что ли? Да, должно быть, ножками"...

Чтобы проверить свою догадку, герр Думмкопф поймал муху и двумя пальцами защемил ей ножки. Муха жужжала, трепыхала крылышками, но улететь не смогла. Герр Думмкопф отпустил ножки, — муха тотчас поднялась к потолку.

Герр Думмкопф был очень доволен. „Конечно, — думал он, — муха передвигается по воздуху ножками. Когда я придержал ее ножки, она летать не могла. Но стоило ей только освободить ножки, и она сейчас же полетела. Это несомненно так. А кры-

лышки ей служат только для того, чтобы держаться в воздухе".

Во время обеда герра Думмкопфа осенила новая мысль.

„Если люди, — решил он, — двигая руками, могут плавать по воде, как рыбы, куда и как захотят, то, двигая ногами, они смогут лететь по воздуху так же свободно, как мухи. Правда, на воздухе держаться труднее, чем на воде. Но так же, как на воде, некоторые люди держатся при помощи больших надутых пузырей, так и на воздухе они смогут держаться при помощи больших надутых шаров".

Обсудив вопрос со всех сторон, герр Думмкопф решил сделать первый опыт — опыт летания по воздуху. „Надо только кому-нибудь решиться,—думал он,—потом уже полетят". И на следующее утро отправился к бургомистру города Швабштадта— герру Каценшнауцу, просить его помощи.

Глава третья

Бургомистр, до которого дошла уже молва об ученых занятиях герра Думмкопфа, встретил его очень приветливо.

— Чем могу вам служить, герр Думмкопф?— спросил он.

— Видите ли, герр Каценшнауц, — сказал герр Думмкопф,—я решил полететь!

Бургомистр крайне удивился.

— То есть как так полететь?—спросил он.

— Очень просто,— ответил герр Думмкопф,— как муха.

Бургомистр от испуга уронил на пол свою трубку.

— Понимаете, герр бургомистр, — пояснил герр Думмкопф,—я вчера открыл, что муха передвигается по воздуху не движением крылышек, а движением ножек. Крылышки же ей служат только для того, чтобы держаться на воздухе. Если человеку дать два больших надутых шара, чтобы держаться на воздухе, то он полетит не хуже любой мухи.

— Понимаю!—ответил бургомистр.— Мне бы только хотелось послушать, каково мнение по этому вопросу нашего ученого советника — доктора Вундеркинда.

Доктор Вундеркинд был человеком высокого роста и в очках. Узнав о чем речь, он сказал:

— Да ничего вы, герр Думмкопф, нового не открыли. Еще сорок лет тому назад на шарах, надутых водородом, люди уже поднимались на воздух.

— А они могли летать в любом направлении?— спросил герр Думмкопф.

— Нет,— ответил доктор Вундеркинд,— они летали только по направлению ветра.

— А я могу полететь, куда захочу!—сказал герр Думмкопф.

— Как же так?--спросил доктор Вундеркинд.

— Очень просто, двигая, как муха, ногами по воздуху,—ответил герр Думмкопф.

— Ну, доктор, каково ваше мнение? — спросил бургомистр.

— Коли охота, пусть летит! — проворчал доктор Вундеркинд.

— Прекрасно! - воскликнул бургомистр.—В таком случае я могу вам, герр Думмкопф, сказать, что все расходы, связанные с вашим полетом, управление города Швабштадта берет на себя.

Глава четвертая

Через три недели шары были готовы. Они были сделаны из очень легкой, но плотной и очень тонкой шелковой материи, а снаружи и внутри обмазаны особым лаком, чтобы сделать их непроницаемыми для газа. Потом их наполнили водородом — особым газом, в четырнадцать с половиною раз более легким, чем воздух. Чтобы они не лопнули под давлением газа изнутри, к ним приделали особые чехлы. Наконец, шары со всех сторон плотно заделали, а из веревок сплели между ними широкий пояс, в котором человек мог поместиться таким образом, что руки и ноги у него оставались свободны.

Настал день отлета. Шары прикрепили канатом к башне кирхи. На площади перед кирхой собралась огромная толпа. Даже балконы и крыши соседних зданий наполнились народом. Утро было солнечное, но ветренное, то там, то здесь взлетали на воздух зонтики и шляпы.

Часов в двенадцать дня на площадь явились члены городского управления во главе с герром Думмкопфом, одетым в теплый сюртук и широкополую толстую шляпу. По витой лесенке он забрался на башню.

Толпа снизу в восторге кричала „Хох!"

Для устойчивости Думмкопф обвязал себя ремнем.

— До свидания! — крикнул он и махнул шляпой.

Бургомистр приказал рубить канат. Шары оторвались от башни и плавно поднялись на воздух.

Толпа снизу в восторге закричала: „Хох!“ Наверх полетели зонты, палки и шляпы. Поднявшись на воздух, шары, подхваченные ветром, медленно поплыли над площадью, над домами, над городским садом. Они все уменьшались, уменьшались, стали, наконец, величиной с горошинки и вдруг скрылись за горизонтом.

На площади все кричали: „Хох!“

Глава пятая

Очутившись в воздухе, герр Думмкопф в первую минуту потерял сознание: в глазах потемнело, а сердце забилось учащенно и сильно. Скоро, однако, он пришел в себя, взглянул вниз и увидел, что летит над городским садом. Далеко под ним, как зеленые свечки, стояли деревья, между ними пестрыми колечками вились цветники, а на аллеях, задрав кверху головы, толпились люди. Сверкнула речка. Где-то громко залаяла собака. За рекой потянулась улица. Дома сверху казались детскими кубиками, вытянутыми в одну прямую линию. По улице бежал человек. Он размахивал руками и, по всей видимости, что-то кричал. Слов не слышно было, так как ветер относил их в обратную сторону. Вот проплыла Урштрассе. Герр Думмкопф узнал свой дом. У раскрытого окна в чепце стояла фрау Шмидт и махала платком, а из трубы над крышей вился маленький дымок. Но вот прошла еще минута, и город остался позади.

Герр Думмкопф чувствовал себя сейчас очень хорошо. Вокруг него развернулся обширный горизонт. Солнце сияло. Над самой головой проносились легкие облака. Щебетали птицы, а внизу на много миль виднелись золотистые пшеничные поля, бугорки, ручьи и рощи; меж полей черной змейкой извивалась дорога. Было воскресенье, и потому ни в поле, ни на дороге не было видно ни души. „Экая благодать!“ подумал герр Думмкопф и, осторожно приоткрыв крышку табакерки, втянул в нос добрую понюшку табаку — это доставило ему такое удовольствие, что он трижды громко чихнул.

Но вот на дороге показалась крестьянская телега. В ней сидел старик в плетеной соломенной шляпе и девочка лет пяти. Герр Думмкопф весело закричал им: „С добрым утром, друзья!“ Старик поднял голову и с испугом посмотрел наверх. Увидя герра Думмкопфа, старик вскочил, поспешно повернул телегу к ближайшей деревне и изо всех сил принялся хлестать кобылу. Кобыла, задрав хвост, понесла во-всю, а девочка от страха заплакала. „Дурачье“, — подумал герр Думмкопф и, рассмеявшись, погрозил им вслед пальцем.

Прошло должно быть часа два с той минуты, как герр Думмкопф вылетел из Швабштадта. Город давно пропал из виду. Даже трудно было определить, в каком он находился напрявлении.

„Полечу над дорогой — это будет вернее всего!“ — подумал герр Думмкопф и решил, что пора ему уже вернуться назад. Тут он вспомнил, что управлять полетом надо движением ног, он подобрал отекшие ноги и принялся быстро-быстро болтать

Герр Думмкопф чувствовал себя очень хорошо.

ими по воздуху. Но шары, подталкиваемые ветром, попрежнему неслись все вперед.

— Экий шальной ветер! — проворчал герр Думмкопф. — При таком ветре очень трудно управлять. Подожду пока он утихнет.

Глава шестая

Скоро ветер, действительно, стих. Шары опустились и полетели довольно низко над землей.

— Вот теперь-то я полечу назад! — сказал себе герр Думмкопф и принялся снова болтать ногами. Однако, шары и на сей раз не поддались его управлению. Они очень медленно, но летели все вперед. Герр Думмкофп даже встревожился.

— Дурацкие шары! — прошептал он.

В следующий раз. я себе сделаю шары гораздо меньшего размера Теми легче будет управлять.

Он посмотрел вниз и заметил, что под ним в поле стоял человек с лопатой, наклонившись вперед, что-то копал в земле.

— Э-э-э-й, б-р-р-а-а-т-е-ц! — крикнул ему герр Думмкопф.

Человек прервал свою работу и глянул вверх. Постоял, посмотрел, потом быстро оглянулся по сторонам, поднял с земли палку, прицелился, размахнулся и — трах! — палка больно ударила герра Думмкопфа по ногам.

— Н-у т-ы, п-о-о-с-л-у-ш-а-й-к-а! — начал было герр Думкфопф грозным голосом.

Но человек и слушать не хотел. Он топал ногами, бил в ладоши и громко кричал: „К-р-р-р! П-ш-ш-ш!“ — как кричат курице, случайно залетевшей в дом.

„Да это сумасшедший!“ — решил про себя герр Думмкопф и был рад, что хорошо еще от него отделался.

Показалась деревня. Посередине единственной улицы деревни стоял мальчишка и пускал в небо большой бумажный змей. Чтоб змей не улетел, мальчишка крепко-накрепко привязал конец веревки к кушаку, — герр Думмкопф изловчился и поймал веревку. Мальчишку дернуло в сторону, потом вверх, и вдруг он начал медленно подниматься на воздух.

— Помогите,— закричал мальчишка.

Несколько крестьян из близстоящих домов выскочили на улицу и остановились в изумлении. Что такое? Посреди бела дня, посреди деревни мальчик Фриц медленно подымался на воздух. Взглянув вверх, крестьяне увидели герра Думмкопфа. Тот махал ногами и что-то им кричал. Десять дюжих у к сразу ухватились за веревку.

— Т-ы-ы-ы к-т-о-о-о т-а-а-а-к-о-о-й?—закричали крестьяне.

— Я-я-я — Д-у-у-у-м-м-м-м-к-к-о-о-о-п-ф!

— К-т-о-о-о?

— Д-у-у-у-у-м-м-м-м-к-к-к-о-о-о-о-о-п-п-п-ф-ф!

Крестьяне обиделись:

— С-а-а-м т-ы-ы-ы д-у-у-у-м-м-к-о-о-о-п-ф! — закричали они и с силой дернули веревку вниз. Веревка лопнула.

Глава седьмая

Ночь тянулась без конца. Наконец, стало светать. Заалело небо. В деревнях запели петухи. В стойлах, просыпаясь, мычал скот.

Ветер замер. Шары больше не летали. Они стояли неподвижно на одном месте, но опуститься вниз не могли, так как были гораздо легче окружающего их воздуха. Герр Думмкопф посмотрел себе под ноги и увидел, что висит над площадью небольшого тихого городка. Городок еще спал. Пустые улицы, закрытые ставни, только посередине площади у круглого фонтана в теплом пальто с воротником и в мохнатой шапке сидел ночной сторож и сонно бил в колотушку.

— Э-й, п-о-о-с-л-у-ш-а-а-й-к-а! — крикнул ему герр Думмкопф.

Сторож вскочил, протер глаза и посмотрел на герра Думмкопфа. Неизвестно, чем тот ему показался. Но сторож, недолго думая, сорвался с места, забрался на колокольню и, что есть силы, ударил в набат.

Городок сразу ожил. Распахнулись окна и двери. У ворот появились полуодетые заспанные люди. Разинув рты, они удивленно уставились на герра Думмкопфа.

Скоро на площадь верхом на рыжей лошади приехал высокий человек в блестящей медной каске. За ним пешком бежало человек 20 в таких же касках.

„Да этот, видимо, тут главный!“ — решил герр Думмкопф про высокого человека и закричал:

— Г-е-е-р-р н-а-а-ч-а-а-л-ь-н-и-к! П-о-о-м-о-г-и-т-е м-н-е-е с-п-у-у-с-т-и-т-ь-с-я!

Но высокий, не обращая на него никакого внимания, приказал что-то окружающим его молодцам. Те сейчас же бросились к сараю, находящемуся рядом с кирхой.

„За лестницей побежали“, — подумал герр Думмкопф и принялся спокойно ждать, когда его снимут.

Но из сарая вместо лестницы выкатили на площадь большую громоздкую машину. Машина с двух сторон имела по брезентовому рукаву. Один широкий, но короткий, а другой узкий, но очень длинный. Широкий опустили в бассейн, а узкий взял в руки высокий человек. Загудели насосы, и вверх сверкающей струей брызнула вода.

— Ч-т-о в-ы-ы-ы д-е-е-л-е-а-е-т-е?—крикнул герр Думмкопф. Но человек в каске спокойно продолжал свое дело. При этом он метил прямо в герра Думмкопфа. Струя подымалась все выше и выше, до герра Думмкопфа уж стали долетать холодные брызги. Тут на его счастье подул ветерок. Шары качнулись и поплыли над домами.

Второй день полета прошел так же, как и первый. Внизу все так же чередовались поля, ручьи, перелески и холмы. В городах и деревнях все так же толпились по улицам люди, все так же изумленно глядели на летающего человека.

Ближе к вечеру второго дня герр Думмкопф увидал на горизонте человека. Тот стоял поодаль на холме и махал ему руками. Герр Думмкопф чрезвычайно обрадовался ему. „Наконец-то обо мне вспомнили,— подумал он,— теперь уж я спасен!“ Он ответно замахал шляпой и, собрав последние силы, закричал:

— Д-о-о-с-т-а-а-н-ь-т-е л-е-е-е-с-т-н-н-и-ц-у-у! Л-е-е-с-т-н-и-ц-у!

Но человек ничего не ответил, а только продолжал по прежнему махать руками. По мере приближения к нему герра Думмкопфа, человек все рос, рос и стал, наконец, величиной в сосну. „Да это, вероятно, доктор Вундеркинд!“ — подумал герр Думмкопф, увидев необычайный рост незнакомца и вторично закричал:

— Д-о-к-т-о-р В-у-у-н-д-е-е-р-к-и-и-н-д! Э-т-т-т-о в-ы-ы-ы?

Человек и на сей раз ничего не ответил, не двинулся с места и лишь пуще прежнего замахал руками. К удивлению своему, герр Думмкопф заметил, что у незнакомца не две, а четыре руки. Он пристально вгляделся и вдруг хлопнул себя ладонью по лысине и грустно сказал:

— Эх ты, думм-копф, думм-копф!

На холме стоял не человек, а обыкновенная ветряная мельница.

Глава восьмая

В соседнем городке Фалькбекер у окна своей мастерской сидел портной Ганс и перелицовывал старый кафтан.

„Отчего это так потемнело? Никак дождь собирается“,— подумал Ганс и высунулся из окна.

— Эй, вы, подите-ка сюда!—закричал он вдруг.

Прибежала жена.

— Что случилось, Ганс?—сказала она.

— Глянь-ка в окно, да скорее..! да нет... пропал уже!

— Кто пропал?—спросила жена.

— Сам не знаю, — ответил перепуганный портной.—Я посмотрел в окно и вижу летит, а кто летит, понять не могу,— не то птица, не то человек: две огромных круглых головы, а ножки... ну, что спицы, тоненькие...

Скоро по всей Германии пронесся слух, что над страной летает неизвестное и страшное чудище.

Пошли толки и пересуды. Одни уверяли, что это не иначе, как житель планеты Марс, случайно попавший на землю. Другие — что это новая порода птиц: полу-журавль, полу-человек. Третьи, наконец, утверждали, что это просто шпион, подосланный какой-нибудь соседней державой высмотреть все крепости Германии.

Толком же никто ничего не знал.

Глава девятая

Тем временем герр Думмкопф все летал. Он покрыл уже сотни километров. Под ним промелькнуло множество городов, сел, деревень. Поля, золотящиеся спелой пшеницей, сменялись небольшими дубовыми лесками, леса — желтыми уступами гор. За горами снова открывались широчайшие дали равнин. По равнинам протекали реки, покрытые лодками, парусными судами и гружеными баржами. Вдоль берегов рыбаки расправляли сети, гудели колеса водяных мельниц, босоногие женщины тяжелыми валиками выбивали белье.

Но герр Думмкопф ничего этого не замечал. Он ослабел до того, что едва мог двинуть рукой. Свою широкополую шляпу он давно потерял, а толстый сюртук превратился в жалкие грязные лохмотья.

Ночью под ногами герра Думмкопфа зашумело море. Высокие волны с глухим рокотом бились о берег. Гудели сирены кораблей, затерявшихся в тумане. На маяке тревожно звенел колокол.

„Меня отнесло на море, — с трудом соображая, подумал герр Думмкопф, — теперь я погиб!“

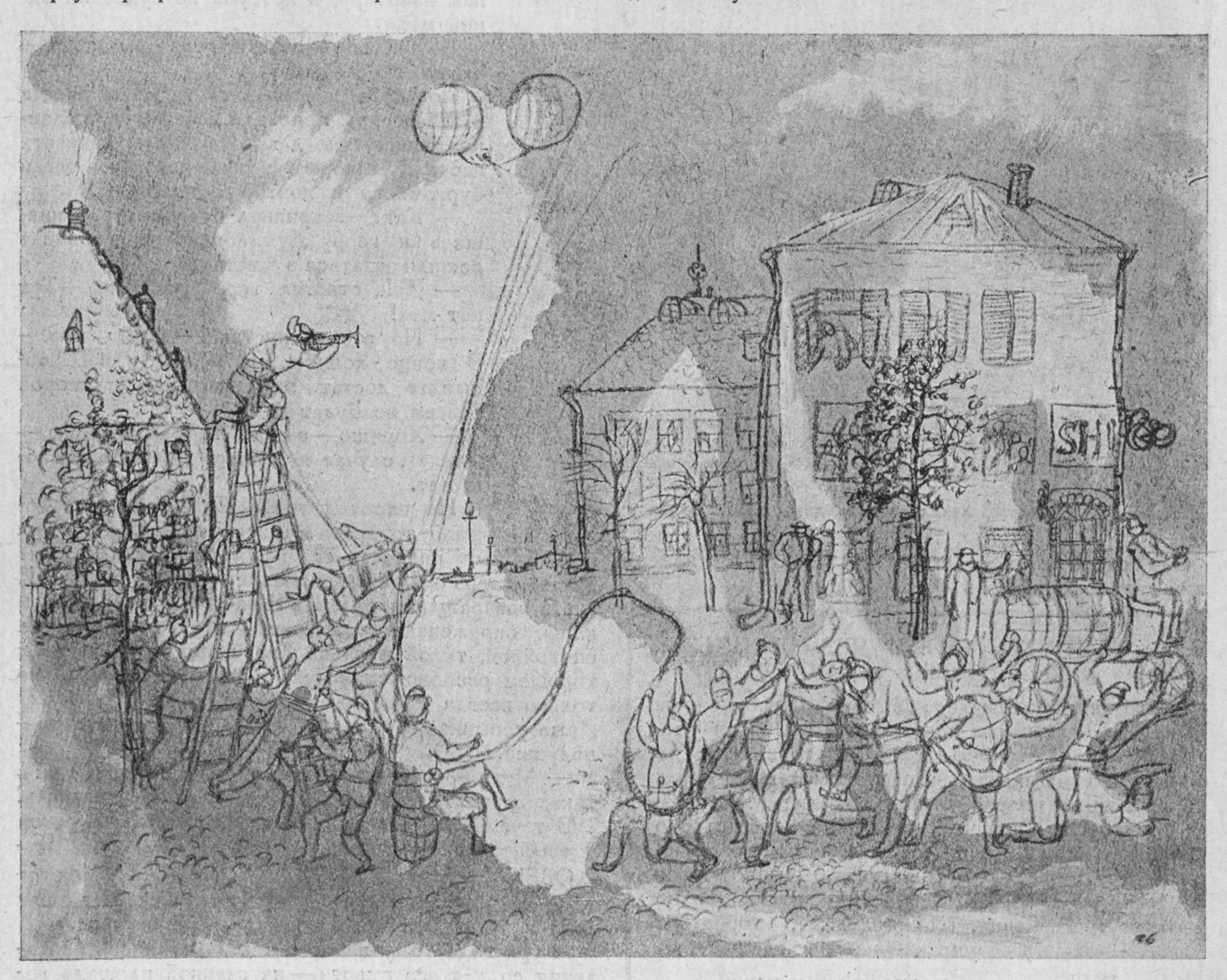
Настала полночь. Шум морского прибоя постепенно затих. Внизу слабо замерцали огни.

Вдруг шары с размаху ударились о какой-то твердый предмет, с треском лопнули и, зацепившись за что-то, неподвижно повисли. Герра Думмкопфа резнул по щеке острый металл. „Земля! — подумал герр Думмкопф. — Я спасен!“ В восторге он обхватил металл обеими руками, прижался к нему всем телом и тотчас заснул.

Глава десятая

После дождливой ночи наступило ясное и теплое утро. Герр Думмкопф открыл глаза и увидел, что висит на шпице собора в большом, но совершенно неизвестном ему городе.

На площади перед собором собралась многолюдная толпа. И тут же на площади сорок плотников сколачивали огромную лестницу в сто восемьдесят девять ступенек.

Загудели насосы, и вверх сверкающей стрелой брызнула вода.

Когда герр Думмкопфа сняли на землю, он слабым голосом спросил:

— Где я?

Ему ответило несколько человек сразу, но на непонятном языке. Герр Думмкопф разобрал одно только слово—Амстердам.

— А,—сказал он, — Амстердам! — и сразу же заснул опять.

Весь Амстердам был заинтересован этим неизвестным человеком. Ясно, что он—немец. Но откуда он взялся и каким образом оказался на шпице собора? Расспрашивать самого герра Думмкопфа не решались. Он лежал в больнице.

Когда герр Думмкопф летал над городом, сторож сидел у фонтана.

Однако, через неделю все объяснилось. В немецких газетах появилось сообщение:

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО!

20-го августа сего года из города Швабштадта вылетел на шарах знаменитый местный ученый герр Думмкопф. Ветром его понесло по направлению к северо-западу. В течение первых трех дней полет ученого наблюдали в разных местах Германии, но потом он бесследно пропал. Есть предположение, что его отнесло на море. Всех знающих о судьбе герра Думмкопфа просят немедленно сообщить по адресу: Германия, Дармштадт, городское управление.

Письма можно посылать без марок.

Глава одиннадцатая

На следующий день к герру Думмкопфу в больницу явилось четыре человека — члены совета города Амстердама. Герр Думмкопф уже оправился. Один из явившихся — толстый бритый человек—заговорил с ним по-немецки.

— Герр Думмкопф! — сказал он.— Мы узнали из газет о вашем смелом полете. Мы преклоняемся перед вашей решительностью рискнуть жизнью ради науки; от имени города Амстердама мы пришли просить вас остаться у нас.

— Хорошо! — сказал герр Думмкопф.— Я подумаю! Только скажите, у вас тут в Амстердаме нет мух?

Члены совета переглянулись с выражением крайнего недоумения.

— Есть,—сказал толстый,— но...

— Нет, нет!—ответил герр Думмкопф,— в таком случае я в Амстердаме не останусь...

Члены совета о чем-то поговорили между собой. Наконец, толстый сказал:

— Из уважения к вам, герр Думмкопф, город Амстердам обязуется доставить вам квартиру, в которой не будет ни одной мухи.

— Хорошо,— ответил герр Думмкопф.— Тогда я остаюсь тут.

Но через восемь дней из Швабштадта в Амстердам приехала делегация, посланная специально для того, чтобы привезти герра Думмкопфа. В числе делегатов были бургомистр и доктор Вундеркинд.

— Как?—вскрикнул бургомистр, явившись к герру Думмкопфу.—Вы, говорят решили остаться в Амстердаме?

— Да!—ответил герр Думмкопф.—Тут нет мух!

— Но это-ж пустяки!— сказал мэр.— В конце-концов мы можем и в Швабштадте достать вам квартиру, в которой совсем не будет мух!

— Хорошо,—сказал герр Думмкопф,— в таком случае я вернусь с вами в Швабштадт.

На пароход герра Думмкопфа провожало тридцать тысяч человек. Делегаты всю дорогу пронесли его на руках. Через каждые десять шагов они останавливались и кричали—„Хох!“

По возвращении своем в Швабштадт герр Думмкопф, окруженный уважением и почетом, зажил спокойной, тихой жизнью. Его видели неизменно в хорошем расположении духа и улыбающимся. Одно только всегда выводило его из себя—вид мухи. Даже упоминания о мухах он не мог слышать равнодушно.

— Мухи — вредные, поганые твари!—кричал он в таких случаях.—Их всех до одной надо истребить!

В течение 12 лет герр Думмкопф писал большой ученый труд под названием „КАК ВРЕДНО ЧЕЛОВЕКУ РАЗМЫШЛЯТЬ О МУХАХ“. Но этот труд ему не удалось окончить, так как 12 апреля 1851 г. герр Думмкопф неожиданно скончался.

А три года тому назад — в день семидесятипятилетия со дня его смерти — на главной площади города Швабштадта в его честь открыли памятник.

КУЗЬКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Рисунки А. ЛАПТЕВА

1

МЫ СОВСЕМ отчаялись в том, что Кузька когда-либо вернется. В редакции царили уныние и грусть. Ежедневно приходили сотни писем с требованием аэроплана.

Целую эскадрилью аэропланов мы должны были бы выслать нашим корреспондентам. Но нам ясно одно: даже Кузька не может быть одновременно в сотне мест. Мы не послали ни одного аэроплана.

ТЕЛЕФОН ОГЛУШИТЕЛЬНО зазвенел. Взволнованный голос передал нам телефонограмму: «Срочно всей редакции выехать на Тверской бульвар точка Кузька найдет точка передал неразборчиво. Принял Шварц».

ПО ДОРОГЕ мы обогнали пятнадцать трамваев, три автобуса и один пожарный автомобиль. На обоих концах бульвара были прибиты два плаката. На одном было написано:

«Завтра в двенадцать часов на ЭТОМ самом месте появится Кузька».

На другом было написано:

«Завтра в двенадцать часов на ЭТОМ самом месте появится Кузька».

МЫ РАЗДЕЛИЛИСЬ на две партии, ждали до двенадцати часов следующего дня, спали на скамейках. Ровно в двенадцать часов у памятника Пушкина появился Кузька.

— Товарищи, как он потопстел,—еле вымолвил редактор.

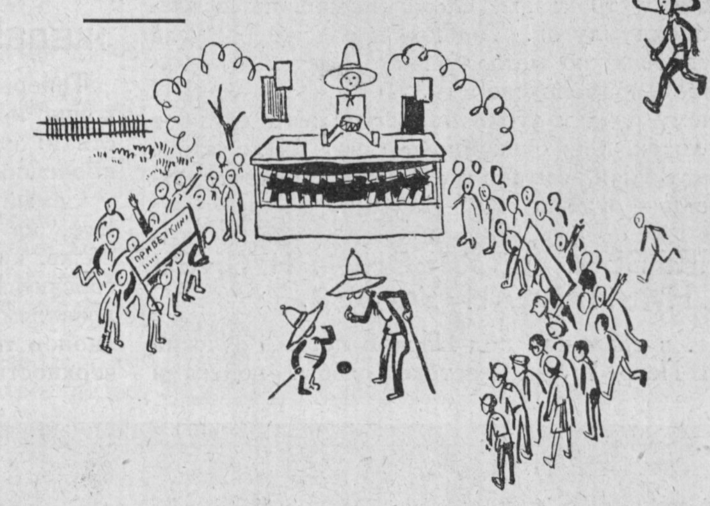
Ровно в двенадцать часов на другом конце бульвара тоже появился Кузька.

— Граждане, как он вырос,—прошептал секретарь.

На бульваре было два Кузьки.

С двух сторон в середине бульвара двигались две группы. Одна с редактором и толстым Кузькой, другая с секретарем и Кузькой длинным. Они ничего не знали друг о друге.

КУЗЬКИН ПАМЯТНИК стоял посереди бульвара. У самого памятника мы остановились, как громом пораженные. Оба Кузьки стояли друг перед другом. Оба живые. Оба в шляпах. Мы думали, что это сон.

— Я Кузька,—сказал толстый.

— Врешь,—ответил длинный,—я Кузка.

— У меня шляпа.

— Нет, шляпа у меня.

У МЕНЯ, выражение лица вот такое.

— Нет у меня.

— Я люблю макароны.

— Нет ты не любишь макарон, это я люблю макароны,

— А, так ты любишь макароны?—сказал толстый и с визгом бросился на длинного. Завязалась драка.

ПРИШЕЛ МИЛИЦИОНЕР. Он хотел разнять дерущихся Кузек, не тутто было. Они сцепились в клубок, из которого торчали четыре ноги, четыре руки, две головы и всякие другие вещи.

ПУБЛИКА ТРЕБОВАЛА выяснения личностей. Кто же настоящий Кузька? Милиционер не мог определить этого на месте и предложил обоим отправиться в милицию.

(Продолжение следует.)

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

СССР БУДЕТ МЕТАЛЛИЧЕСКИМ

Очерк П. ЛОПАТИНА

СОЮЗ РУДЫ И УГЛЯ

Лежит в земле хрупкий, грязновато-красный камень — железная руда. И часто рядом с ней длинными, мощными пластами на многие километры тянутся под землей пласты блестяще-черного каменного угля. Возьмите руду и уголь, уложите их рядами в высокой доменной печи, подожгите эту „каменную смесь“, и скоро на дне печи появится жидкий, блестяще-яркий чугун. Так союз руды и угля рождает металл.

Иначе не умеет человек получать чугун. Потому что только каменный уголь может превратить хрупкие камни железной руды в жидкий чугун, чтобы затем на заводах приготовить из него рельсы и мосты, орудия и тракторы, сложные машины и блестящие лемехи плугов. Только союз руды и угля создает теперешнюю металлургию — эту повелительницу мировой промышленности.

Вот почему руда и уголь не могут жить друг без друга. Человек или спокойно оставит их лежать в недрах земли, или, вытащив их на поверхность, отправит уголь к руде, а руду—к углю.

ПЕТР ПЕРВЫЙ И ТУЛЬСКИЙ КУЗНЕЦ НИКИТА АНТУФЬЕВ.

В 1700 г. в сражении под Нарвой первый русский император Петр I был жестоко разбит войсками шведского короля Карла XII. Поредели полки, потеряна вся артиллерия. Надо спешно пополнить запас людей и пушек.

Люди нашлись — их с избытком оказалось в распоряжении Петра. Но для пушек нужен был металл, и Петру пришлось перелить церковные колокола на новые пушки: больше не нашлось свободного металла в стране. Петр I понял, что надо спешно строить собственные металлургические заводы. И он поручает Никите Антуфьеву, кузнецу тульского завода, угодившему ему в изготовлении алебард, разведать железную руду, только-что найденную на Урале в районе горной речки Нейвы.

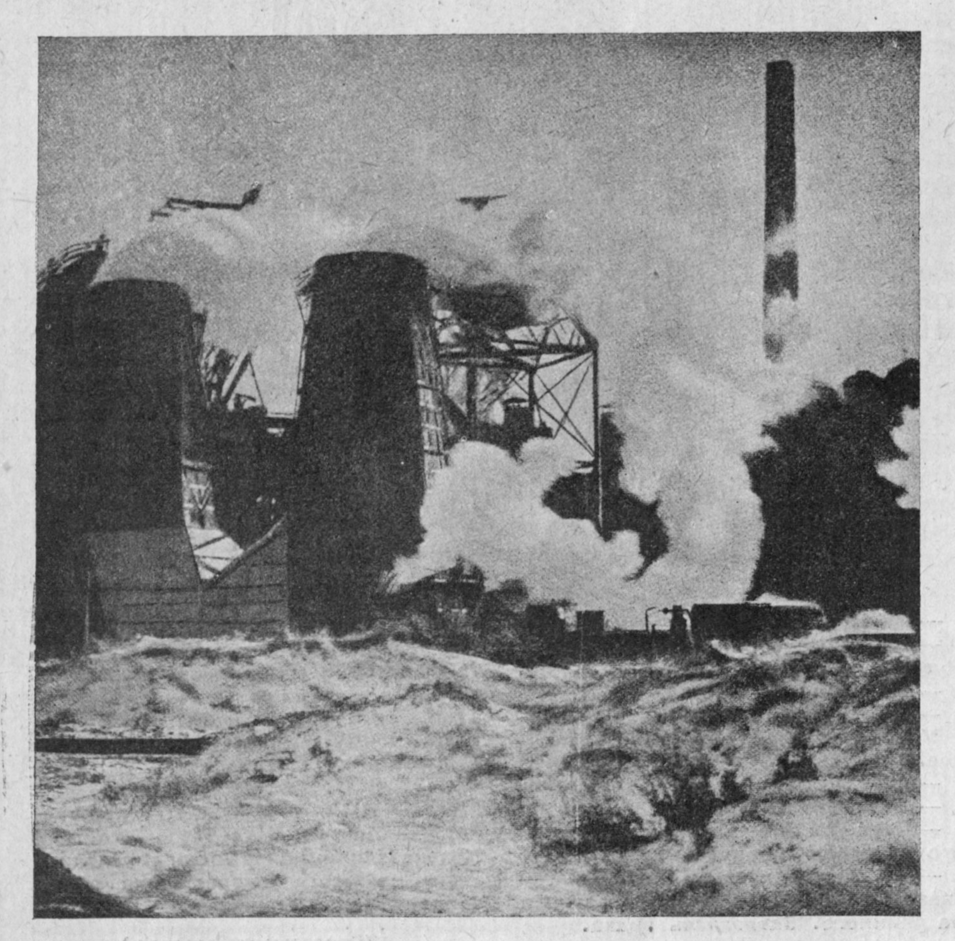
Так, благодаря поражению под Нарвой, родилась уральская металлургия.

ЖЕЛЕЗНЫЙ КЛАД УРАЛЬСКИХ ГОР

Теперь точно так же, как и во времена Петра I, конца края не видно уральским железным богатствам: слишком много железных кладов скрыто в поросших сосной и елью склонах Уральских гор.

Самый богатый железный клад Урала лежит на юге, на берегу реки Урал, там, где на площади 26 кв. километров раскинулись знаменитые магнитогорские залежи железной руды. По последним исследованиям 1928 г., здесь лежит не меньше 275 миллионов тонн прекрасной руды, лежит почти на поверхности—приходи и бери.

Но ее не берут, потому что руда не может жить без угля, а угольных рудников, которые были бы достойны по своей мощи и качеству магнитогорской руды, нет на Урале. А руда без угля—всего лишь хрупкие, грязно-красные камни.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ПРОКЛЯТЫХ КИЛОМЕТРОВ

На северо-восток от Магнитной горы, далеко за Уральским хребтом, лежит „черная жемчужина Союза“— Кузнецкий каменноугольный бассейн.

Триста с лишним лет тому назад, в 1603 г., казаки Ермака, огнем и мечом завоевывая Сибирь, основали здесь Кузнецкий городок, а купцы Строгановы, снабжавшие Ермака снаряжением, получили право от русского царя „искать и добывать руды железные, медные, оловянные, свинцовые и серу горючую на сибирской земле“. Так началась промышленная жизнь Сибири.

Но и до сих пор даже сотая часть ее подземных богатств лежит нетронутой. Почти не начат разработкой наш богатейший „угольный закром“— Кузбасс, где лежит больше половины всего союзного угля. И совер-

шенно не тронуты залежи около городка Тельбеса, которые дают лучший в мире уголь для получения чугуна. Не тронуты потому, что нет рядом достойных запасов железной руды, а углю без руды—полцены.

Так лежат, почти не выходя на поверхность, магнитогорская руда и тельбесский уголь, лежат и ждут, когда они смогут прийти друг к другу, чтобы, соединившись вместе, дать чугун, сталь и железо.

Но природа зло подшутила: двумя тысячами километров разделила она уральскую руду и кузнецкий уголь. И этих двух тысяч километров не могли перешагнуть русские цари и прежние промышленники: не по силам казалась им задача промышленной смычки Урала и Кузбасса.

То, что было не под силу царям и купцам, стало нужным и возможным сейчас, когда строится новое хозяйство громадной Советской страны.

УГОЛЬ ПРИШЕЛ К РУДЕ

Через 5 лет на берегу реки Урала вырастет серая громада Магнитогорского завода.

На расстоянии 6 километров от него, на горе, где сейчас лежат мертвым кладом сотни миллионов тонн прекрасной руды, заработают экскаваторы и паровые лопаты. Пыхтя и вздыхая, они грызут железную руду, и десятки тонн рыхлых, грязно-красных камней летят в приземистые железные вагонетки. Целыми вереницами катятся эти вагонеточные поезда под уклон к заводу, где их поджидают громады доменных печей.

С другой стороны, оттуда, где на железнодорожной станции длинными очередями вытянулись ряды красных товарных вагонов, высокий механический кран подает домнам привезенный каменный уголь. Он пришел издалека—из кузбассовских недр, пробежав 2 000 километров по улучшенной нами сибирской железной дороге, через колхозы Западной Сибири и горные извилины Урала. Так, с двух сторон попадают к домнам руда и уголь. Руда—с соседней горы, уголь—с далекого Кузбасса.

И руду и уголь встречают у домен поблескивающие металлом подъемники. По ним поднимают железные камни и черный уголь на вершину новых доменных печей и слоеным пирогом укладывают внутри домны. Слой руды, слой угля, снова руда и снова уголь—и так до тех пор, пока сверху донизу не наполнится домна своей слоеной начинкой.

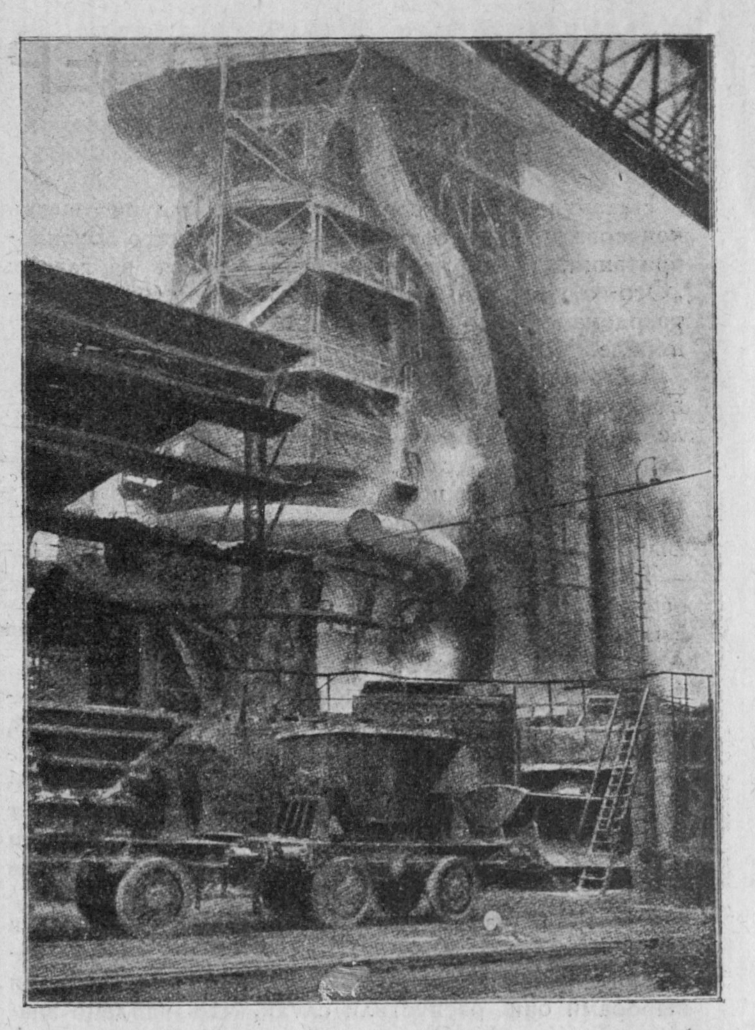
Тогда домна закрывается, уголь загорается, и среди рева машин и грохота подъемников в страшной жаре доменной печи из магнитогорской руды и тельбесского угля рождается каждый год по 650 тыс. тонн чугуна.

Так придет, наконец, кузбассовский уголь к магнитогорской руде, и вместе они создадут металл.

РУДА ПРИШЛА К УГЛЮ.

На 2 000 километров к востоку от Магнитогорского завода, в Кузнецком черном бассейне, почти одновременно вырастет такой же завод. На его фасаде скромной золотой надписью встанет „Тельбес“.

Здесь те же башни доменных печей, тот же рев машин и металлический скрежет подъемников. И та же пища—магнитогорская руда и кузбассовский уголь. Но только хозяином здесь уголь, а гостьей—руда.

И так же, как там, каждый год из отверстий доменных печей будут выливаться 650 тыс. тонн советского чугуна.

Здесь придет магнитогорская руда к кузбассовскому углю, и вместе они создадут металл.

10 МИЛЛИОНОВ ТОНН

Так на месте старых сибирских владений купцов Строгановых через 5 лет родится громадное советское предприятие—Урало-Кузнецкий комбинат, дающий на первых порах около $1^1/_2$ млн. тонн прекрасного, дешевого металла в год.

Эта цифра—примерно, половина того, что дают нам сейчас все заводы Сибири, Урала и Юга, и в три раза больше того, что выплавляют все заводы такой сильной капиталистической страны, как Япония. Но это—всего лишь $^1/_7$ того громадного количества чугуна, которое нам надо получить к концу пятилетия. Поэтому, кроме уральского и кузнецкого гигантов, мы выстроим еще десятки металлургических заводов, которые должны будут дать нам через 5 лет 10 млн. тонн чугуна, т. е. в $2^1/_2$ раза больше того, что в свои лучшие годы вырабатывала царская Россия.

Должны дать и дадут. Потому что мы смелее и сильнее старой России, у которой нехватило силы и смелости соединить Кузбасс и Урал, руду и уголь. Дадут потому, что наше хозяйство строится не купцами Строгановыми, не Петром, а многомиллионным пролетариатом, который получил, наконец, то, что по праву принадлежало ему: и Урал, и Кузбасс и все необозримые просторы СССР.

СССР должен стать и станет металлическим.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Фельетон Л. КАССИЛЯ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО

Накануне еще, совсем накануне, Болдуин—вождь консервативной партии, премьер-министр Великобритании, глава правительства — писал в газете: „Ого-го, дескать, знай наших, твердолобых. Мы— твердокаменные. Мы уверены в своей победе. Мы консерва-то-то-ры-ры".

Так пел „министр его величества" Болдуин. Так он пел для избирателей. А в другое ухо избирателей напевал лидер, тоже значит, вождь, рабочей партии, мистер Макдональд:

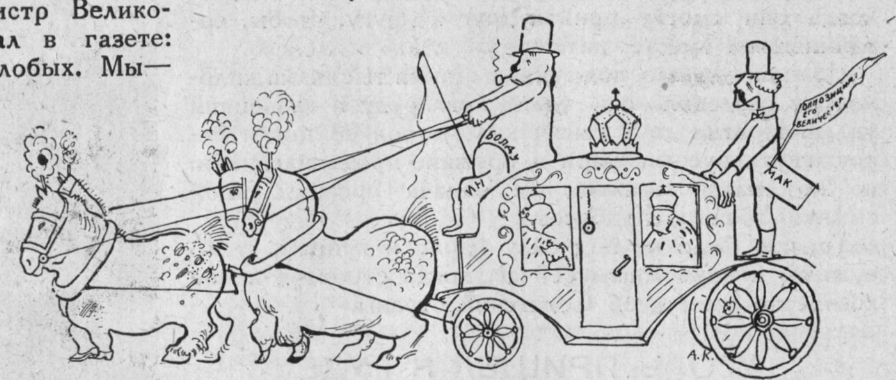
— Мы ра-ра-ра-рабочая партия!.. Выби-ра-ра-райте нас!

Так распевали вожди „оппозиции его величества", как называли себя с гордостью члены рабочей партии Англии. В последние годы английское правительство было консервативным. Т. е. все министры были членами самой правой, самой буржуазной, капиталистической партии. („Консерватор" в переводе означает: приверженец старого). Английское правительство составляется из той партии, которая сумеет захватить большинство в парламенте, т. е. провести в парламент своих членов больше, чем другие партии.

Последний раз консерваторы захватили власть в свои руки очень некрасивым, попросту говоря, мошенническим предвыборным трюком. Перед самыми выборами они распустили слухи, что найдено знаменитое „письмо Зиновьева" английским коммунистам, что письмо это готовит, будто бы, революцию в Англии, что надо усиленно бороться с красной опасностью. Это была беззастенчивая брехня, это была нагло выдуманная сплетня, но она подействовала. Чиновники, биржевые маклеры, торговцы, священнослужители, кораблевладельцы и одураченные служащие голосовали за консерваторов. Консерваторы получили большинство мест в парламенте. Болдуин, их предводитель, образовал правительство. Болдуин, Чемберлен, Хикс и другие стали „министрами его величества".

Рабочая партия потерпела тогда поражение. Рабочая партия Англии — партия реформистская. Под этим надо понимать, что в то время как пролетариат всего мира во главе с коммунистами борется за коренную перестройку мира, чтобы заменить капиталистический строй социалистическим, рабочая партия Англии старается лишь легонько попридержать бешеный нажим капитала, уговорить его не быть „нехорошим дядей". Рабочая партия не хочет торопить событий, она боится революции, часто танцует под дудку капиталистов, хотя и считает себя очень „революционной" партией. Когда сын короля, принц Уэльский, во время одной из своих увеселительных поездок посетил голодающих углекопов, вожди „рабочей" партии едва не задохнулись от почтительного и верноподданнейшего восторга перед великодушным поступком королевского сынка.

Королевская карета до выборов

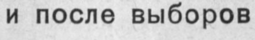

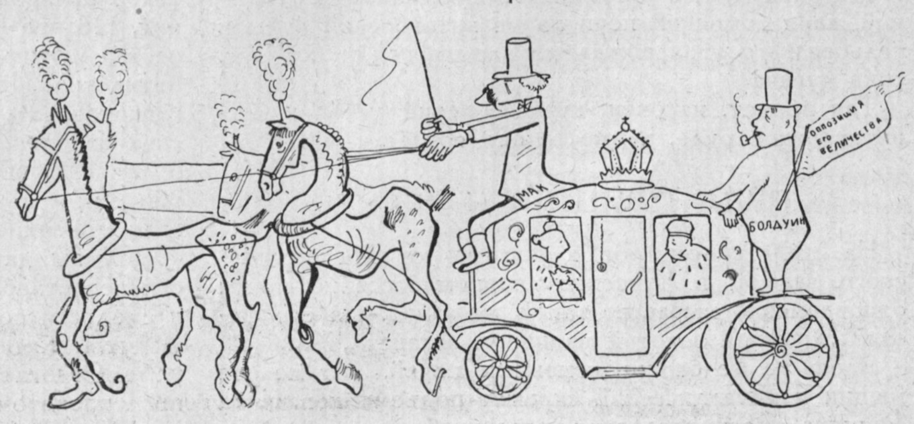
«Оппозиция» его величества—Макдональд—на запятках.

После того как консерваторы захватили власть, членов рабочей партии в парламенте было меньшинство. Это меньшинство образовало оппозицию („противовес" правительству). Королевские „революционеры" стали называться „оппозицией его величества". Что же касается консерваторов, то это правительство, питая дикую ненависть к СССР, моментально оправдало надежды крупных заводчиков, фабрикантов и лордов. Англия порвала с СССР дипломатические отношения, которые перед этим завязало рабочее правительство. Это, конечно, очень отразилось на английской торговле. В Англии стало расти недовольство. Но „твердокаменные", как они себя называют, или „твердолобые", как их зовут рабочие всех стран, не сдавались и уверенно ждали новых выборов.

Новые выборы были назначены на 30 мая 1929 г. Весь мир с нетерпением следил за борьбой английских партий. Во всех городах земного шара 30 и 31 мая телеграф и радио несли цифры выборов.

И в Москве на новом громадном здании „Известий" к концу дня вывесили громадный плакат-телеграмму:

Роли переменились.

Консерваторы провалились. Рабочая партия победила. Рабочая партия имеет большинство в парламенте.

„Министры его величества" провалились с треском. Даже знаменитый Чемберлен еле-еле втерся в парламент.

Болдуин подал в отставку. Он пошел к королю и подал ему заявление об уходе. Король был вежлив. Он сказал:

— Надеюсь, это ненадолго, мистер Болдуин... Не огорчайтесь.

— Бог даст, скоро увидимся,—отвечал Болдуин,— не поминайте лихом.

— Ну, что вы, что вы... За что же лихом. Наоборот,—искренне сказал король, вспомнив о деньгах его двору, которые выдало консервативное правительство.

Потом король послал приглашение Макдональду.

Макдональд не заставил себя долго ждать. Король принял „революционера его величества" очень любезно и радушно.

— Честь имею, ваше величество,—сказал Макдональд.

— Здравствуйте, дорогой мистер Макдональд,— сказал король,—давненько не видал я вас премьерминистром. Надеюсь надолго?

— Рад служить его величеству, — отрапортовал вождь рабочей партии, Макдональд.

— Как вы там насчет СССР смекаете? — робко поинтересовался король,—и вообще вы все-таки это того... с рабочими... не особенно пожалуйста, прошу вас...

— Что вы, — успокоил его Макдональд — Не извольте беспокоиться. Чать не первый раз. Разве не помните, ваше величество? Мы всегда ладком да мирком. Что мы коммунисты какие, что ли?

Король вздохнул с облегчением.

И разочарованные рабочие Англии, углекопы, докеры, текстильщики, тоже вздохнули. Тяжело вздохнули. Эх-хе-хе-хе...

КОНКУРС РИСУНКОВ ЗАКОНЧЕН

Премия им. Бумеранга—1) Альбом для рисования, 2) Акварельные краски, 3) Книжка, В. Лебедева—„Охота"—присуждена:

А. Голубкову—Бузулук, Я. Курлову—Сибирь, Г. Чесалину—Бахтемир и Степачову.

Премия им. Кипа—1) Готовальня, 2) Альбом для рисования—присуждена:

Латышеву—Кустанай, А. Корнилову—Болшево.

Премия им. Кузьки ввиду его отсутствия не присуждена никому.

ЖЮРИ КОНКУРСА.

О КОНКУРСЕ РИСУНКОВ

Конкурс рисунков закончен. Редакция получила много работ, из которых часть уже напечатана в предыдущих номерах журнала, а здесь печатается восемь. Среди остальных, не напечатанных, тоже много было хороших и интересных работ, и частью они пойдут на выставку детских рисунков, которую журнал устроит осенью.

Задача конкурса — заинтересовать ребят тем, как можно рисунком рассказывать то, что видишь и знаешь, выработать художника-деткора. Ребята почти все хорошо рисуют. Рисунком им часто легче рассказать о том, что их интересует, чем словами. А рисунком можно рассказать много такого, что словами передать трудно.

Нужно, чтобы участники конкурса поняли, как мы отбирали рисунки для печати: работы ребят мы делим на три группы, и от каждой группы взяли по нескольку наиболее интересных рисунков.

Первая группа — РИСУНКИ ПО ВООБРАЖЕНИЮ, изображающие то чего художник никогда не видал, но представляет себе так ясно, что может нарисовать. В таких рисунках очень важно, чтобы все самое главное, что его интересовало, стало понятно и нам, зрителям. К таким рисункам относятся напечатанные в № 11: ВОРОШИЛОВ и «НА БАРРИКАДАХ в ПАРИЖЕ», которые помещены здесь.

Вторая группа рисунков — это РИСУНКИ С НАТУРЫ — например: „Моя мать", „Наш сад". Рисование с натуры очень развивает глаз, делает человека внимательным к окружающему, научает видеть самое главное, чего часто не видят другие. Рисунки, нами выбранные, сделаны очень интересно. Ребята не только хорошо увидели что рисовали, но и хорошо расположили на листе бумаги увиденное. В рисовании это очень важно.

По воображению особенно хорошо рисуют ребята помоложе. С натуры—ребята постарше. А больше всего рисуют ребята всех возрастов НА ПАМЯТЬ, ЧТО ВИДЕЛИ, и эти рисунки образуют собою третью группу. Таких рисунков всего больше и они чаще всего бывают удачны. Особенно интересен рисунок „АУЛ", дающий обстоятельную картину жизни в степи. Автор многое запомнил и ясно выразил свою тему.

Чтобы читателям ПИОНЕРА были интересны помещаемые в нем рисунки худкоров важно, чтобы каждый худкор умел находить в окружающей его обстановке самое характерное. Эскимосу очень интересно видеть изображение шестиэтажного дома, а горожанину интересна жизнь кочевого племени. Журнал, расходясь по всему СССР, дает возможность ребятам знакомить друг друга со всем интересным, что их окружает. Из того, как интересно москвичу видеть рисунок саней, запряженных оленем, можно себе представить, как интересно тому, кто ездит в этих санях изображение трамвая или швейной машины. Поэтому наиболее интересным является наиболее повседневное, с чем постоянно приходится сталкиваться ребятам в жизни и работе.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ №: НОМЕР №: РИСУНКИ И О РИСУНКАХ!

ИЮЛЬ конец конкурса рисунков № 13

НАШ САД

Среднее Краюшкино (Сибирь). Рис. деткора Я. Курлова.

НА БАРРИКАДАХ В ПАРИЖЕ

Бузулук. Рис. деткора А. Голубкова.

ЖДИТЕ

Аул

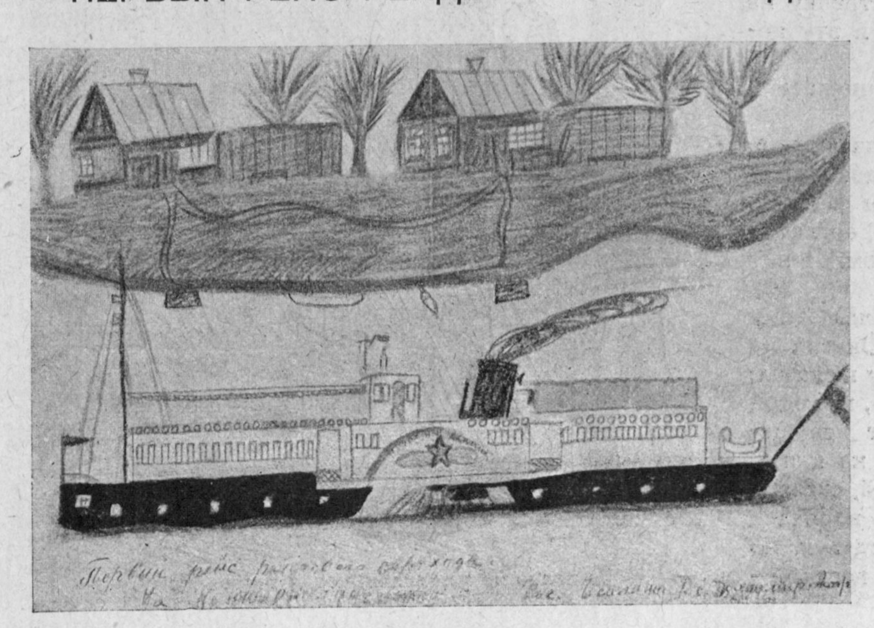
г. Кустанай (Казакстан). Рис. деткора Латышева.

РАННЕЕ ПРОБУЖДЕНИЕ БЕСПРИЗОРНЫХ

Рис. деткора Степанова.

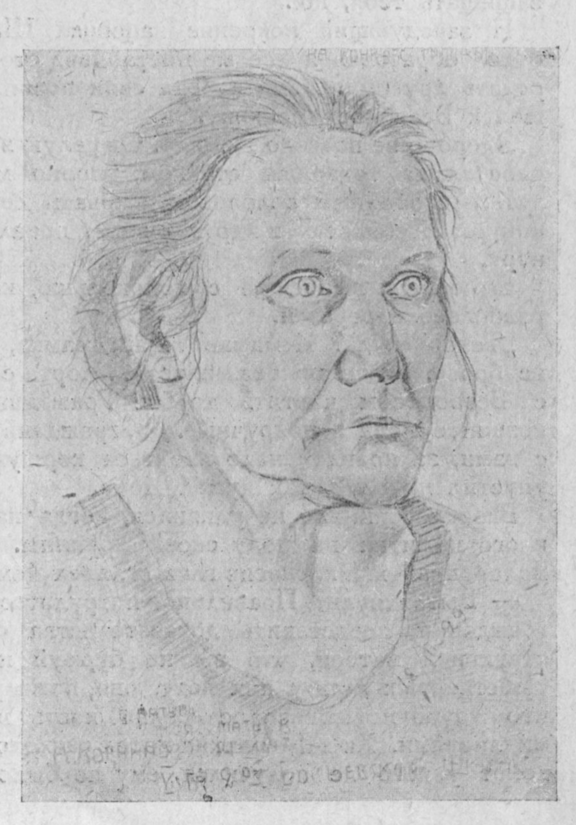
СЛЕДУЮЩЕГО КОНКУРСА

ПЕРВЫЙ РЕЙС РЕЙДОВОГО ПАРОХОДА

Бахтемир (Астрахан. окр.). Рис. деткора Г. Чесалина.

МОЯ МАТЬ

Болшево (Моск. г.). Рис. детк. А. Корнилова.

ДЕМИД ШАПКИН

Повесть А. КОЖЕВНИКОВА

Рисунки П. МИТУРИЧА

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе. Завхозиха привозит Деме 10 руб. и Верочку. Дема предполагает, что деньги от матери и не хочет брать, но Верочка и Лиза заставляют его. Верочку помещает в семилетку, а на квартиру—к трубочисту Банкину.

ВОКРУГ СТИПЕНДИИ

От Демида Шапкина потребовали автобиографию. Он без умолчания и прикрас изложил свою жизнь. Заведующий ознакомился с описанием его жизни и вызвал Дему к себе.

— Меня,—сказал он,—интересуют несколько пунктов, как раз самые неясные в твоей биографии. Прошу отвечать совершенно искренне. Первое—почему ушла твоя мать и куда?

— Не знаю.

— Где она теперь, имеешь ли ты связь с нею?

— Никаких связей. Я ничего про нее не знаю.

— От кого ты получаешь деньги?

— От знакомых моей мамы. Я думаю, что мама передает через них, а сама почему-то не хочет объявиться.

— Печально, очень печально. У тебя придется отнять стипендию. Да, ты получаешь от кого-то деньги, а у нас много абсолютных бедняков.

— Я получаю на сестру, себе не беру ни гроша. Потом я не хочу жить с мамой, не хочу ее денег.

— Такова точка зрения УОНО. Право на стипендию имеют только абсолютно нуждающиеся. Я буду защищать тебя, но...

И заведующий искренне защищал Шапкина, но отдел образования все же постановил степендию передать другому. Дема забрал свои пожитки и перешел к Всеволосу Банкину.

Здорово не повезло Демиду. Он целую зиму упорно работал за токарным станком, упорно мечтал сделаться свободным человеком, вырвать сестренку из конуры Всеволоса—и вдруг он сам попал в эту конуру.

Его мечта, выросшая с колокольню, качнулась и разбилась вдребезги.

„Теперь куда? К мамке? Дай, мамка, на ученье, не брось, не оставь без милости... Чорта с два, пойду с Всеволосом чистить трубы. Гражданин Банкин, возьмите меня в подручные. Да, гражданин, согласен с вами, за правдой надо носиться коршуном. Я вот упустил правду“, так думал Дема.

Всеволос нимало не удивился, когда нашел Дему и его пожитки на полу своей храмины. Он сел на махорочный ящик, скосив глаз, оглядел Дему и сказал:

— Вытряхнули? Правильно, потрудитесь, молодой гражданин, представить доказательства от несуществующей матери, что вы не буржуй и не князь. Собственных глаз у них нету, они, пожалуй, скажут, что трубочист Всеволос—белая кость и ворочает миллионами. Ха-ха!—Банкин хотел расхохотаться, но хохот у него не получился, ему не было весело.—Какой-нибудь хлюст оказался ловчее тебя, ретивей, лучше подмазывался к начальству, больше кричал: „Ура, ура, браво!“ Его за это и отметили твоей стипендией. Пойдем!—Всеволос вскочил, схватил Дему за шиворот и выпер на улицу.—Пойдем к начальству, мы их распатроним, нальем, мы им докажем!

Весь путь до УОНО Всеволос поносил начальство и порядки. В отделе он ворвался в кабинет заведующего, который группе деревенских учителей давал инструкции о повышении урожайности, поднял руку и сказал:

— Прошу слова!

— Гражданин, я занят, посидите минуточку,—заведующий кивнул на сосновый некрашенный диван у стенки.

— Не могу ждать, я человек занятой, меня ждут тысячи труб.

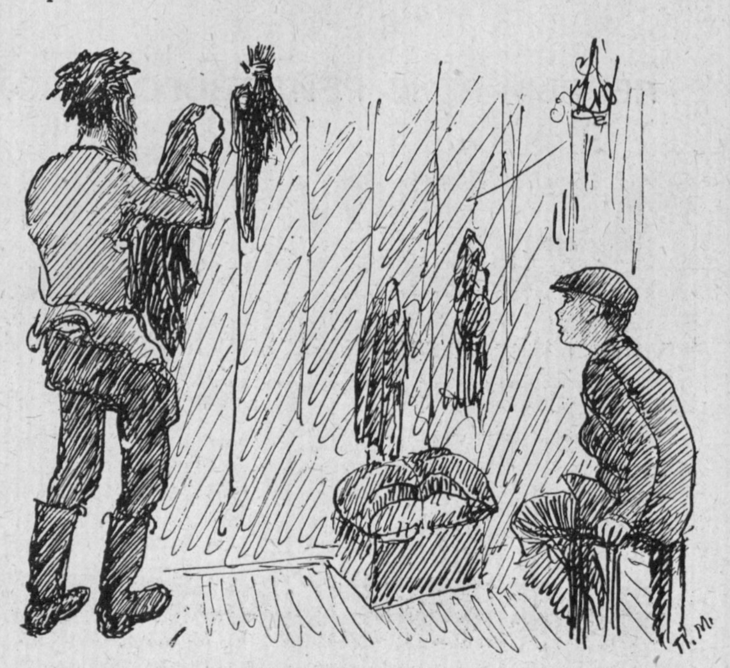
— Вы, гражданин, пьяны.

— Немножко, но я в своем уме. Вот этого молодого человека обидели.—Всеволос выдвинул Демида вперед,—у него отняли стипендию, с нищего сняли суму.

— Я прошу вас уйти,—заведующий выкрикнул и в сердцах переломил карандаш.

— Говорят:—Ты получаешь откуда-то деньги, может ты буржуй, и всякую там чепуху...

— Я позову милицию.—Заведующий схватил телефон.

Всеволос не удивился, когда нашел Дему.

— Покуль милиция едет, я все скажу.—Всеволос оперся черными руками на красное сукно стола.— Какой дурак поверит, что буржуйские дети могут жить у Всеволоса Банкина, на полу, за 12 рублей в месяц.

Заведующий повесил телефонную трубку и начал слушать. Он решил не спорить с верзилой-трубочистом и не впутывать милицию.

— Говори по порядку, кто он, ты кто таков, где, кого обидели. Я слушаю.

Демид оттолкнул Всеволоса и начал объяснять. Трубочист размахивал руками, тряс головой и одобрял:

— Гвозди, сынок, режь.—Он поминутно прерывал Дему и начинал изъясняться сам.

— Довольно, понял,—заведующий взял клочок бумаги.—Все ясно, обсудим и стипендию наверняка он получит.

— А потом отнимут?—съехидничал трубочист.

— За „потом" я не ручаюсь, и этот месяц придется как-нибудь прожить, стипендия отдана другому.

На обратном пути Всеволос, хлопая Дему по спине, изъяснялся:

— Я прокормлю, мы совесть имеем. Не трусь, сынок, проживем. А мамашу тебе придется разыскать, вызвать ее и сказать: „Хочешь мамашей быть, корми. Не хочешь, не мешай моей жизни". Да с мамашей церемониться не придется: не те времена.

Шапкин и сам понимал, что необходимо как-то распутать семейную историю, иначе она будет волочиться за ним, как тень, соваться под ноги, связывать волю, и он написал завхозихе:

„Если ты знаешь, где моя мама, скажи ей, что у меня отняли стипендию из-за нее. Пусть напишет, что бросила нас, и мы знать будем, и все будут знать. Я не хочу страдать из-за матери, которой у меня нету".

Шапкину жилось неважно. Всеволос Банкин забыл слово, сказанное в припадке справедливости, он чистил трубы, выпивал и не интересовался, что ест и пьет Дема, Для него началась благословенная пора, он мог в любом углу переночевать, отдохнуть, распить бутылку, и домой заходил редко, мимолетно, по капризу нелепого сердца, а не по нужде.

Демид как-то сказал тетке Груше:

— Не поможет ли мне Всеволос, теперь он хорошо зарабатывает. Я ему когда-нибудь уплачу.

— Какой он помогатель, на словах только. Утром я тебя буду подкармливать, а обед и ужин ищи сам.

Так и пошло. Утром подкармливала Груша, обед и ужин приходилось забывать, не думать о них. Демид только на ночь приходил к Всеволосу, прочее время он околачивался в школе, шатался по улицам, на лаврской стене. Он делал вид, что сыт, счастлив; когда Верочка спрашивала, обедал ли он, то лгал:

— Как же, меня накормили в интернате. Сам Якимченко водил в столовую.

Товарищи возмутились, что у Демы взяли стипендию, они написали коллективный протест в УОНО, но оказать Шапкину подлинную, настоящую помощь— накормить, собрать денег—не догадались.

Они утешали его:

— Это ошибка, стипендию ты получишь,—и воображали, что сделали все нужное и возможное.

Дема и сам понимал, что с ним произошла ошибка, печальное недоразумение, но он здорово голодал и сторонился товарищей. В нем зашевелилась злоба.

Я человек занятой, меня ждут тысячи труб.

„Товарищи,—думал он,—протест написали. Не протест надо, а кусок хлеба".

Первый токарь заметила холодность Демида и начала приставать:

— Что с тобой, сердишься? Поговорить не хочешь, истукан истуканом. Стипендию для тебя мы добьемся. Пойдем сегодня гулять, в кино.

Шапкину надоели приставанья озорной девчонки, и он послал ее к чорту. Поглядел сердито, цыкнул слюной и сказал прямо:

— Катись-ка от меня к чорту!

— С чего ты озлился?

— С голоду,—буркнул Дема.

— С голоду. Ты голодаешь, а я и не подумала об этом. Не сердись, Демочка, я принесу тебе хлеба.

— Лопай сама свой хлеб.

Шапкин пошел, но через несколько шагов повернулся и прибавил:

— Лопай.

Озлобленность Шапкина замечали все, Андронов и Ермаков объясняли ее обидой, Лиза просто не понимала. Ей давно хотелось поговорить с Демой, и однажды она взяла его под руку и сказала:

— Ты совсем забыл меня, как чужой, а помнишь— Верочка объявила нас братом и сестрой.

— Брат и сестра—глупости.

— Ты исхудал, скажи, как ты живешь, не голодаешь?—Деме захотелось и Лизу послать к чорту, но вдруг почему-то вспомнилось катание на лыжах, тогда у Лизы были счастливые глаза, теперь они чего-то ждут и боятся, и он ответил:

— Здорово. Я больше недели ем только по утрам. А ты не догадывалась?

— Откуда же знать, о себе каждый думает. Почему ты молчал, скрывал?

— А не знаю, злость появилась, от злости.

Лиза о голодном положении Шапкина заявила в учком, и Демида приняли вплоть до получения стипендии на товарищеский паек.

Завхозиха не появлялась, не было ответа и на письмо, приближался срок нового платежа тетке Груше за Верочку, и Дема чувствовал, как закрываются перед ним все пути. Он усиленно работал в школе, зарывался в общественность, хоронился от путаницы своей жизни, распутать которую был бессилен. Лиза удивлялась его рвению, она совершенно искренне признавалась:

— Я не могу по-твоему. Меня тянет на улицу, на речку. Какое теперь хорошее небо, так бы встала, надела котомку и пошла за облаками. Как ты можешь корпеть в читальне, на собраниях?

— А что мне делать? Дема понимал, что у него единственный путь—работа, только через нее можно чего-нибудь добиться и забыть проклятые житейские неудачи.—У тебя, Лизка, завидная жизнь, ты какая-то ласковая, прямо к людям в душу лезешь. Обругать тебя, обидеть нельзя, совсем напротив—увидит тебя человек и скажет самое хорошее.

Они сидели на окне лаврской башни плечо к плечу, под ними был город, вымытый первым весенним дождем, улицы, на них гуляющие люди и веселые потоки, на деревьях грачиная суета и любовь, за городом пестрое от проталин поле, дорога, как линия горизонта, и на ней лошади, люди. Сверху и город и люди казались маленькими, сделанными кем-то для потехи, а вовсе не для настоящей жизни и дела.

— Ты, Лизка, покатишься, как футбольный мяч, сначала в техникум, потом в университет, потом будешь строить, может, электростанции, может, заводы. А я поставлю станок и буду точить игрушки. Тогда к тебе и не подойдешь, скажут: без доклада, товарищ, не входить.

— Ты меня, Демка, обижаешь, никогда я не буду такой.

— Э, широкая жизнь поглянется, начальствовать научишься.

— Демка, не смейся. Тсс, я вижу Якимченко, вон идет мимо памятника и размахивает шляпой. Я крикну его, и Лиза, сложив ладони трубой, закричала:

— Егор Сидорыч, ау!

Художник остановился, поглядел вокруг себя и выжидательно поднял взлохмаченную голову.

— Егор Сидорыч, добрый вечер!

Озадаченный художник завертел головой, пожал плечами и растопырил в недоумении руки.

— Шалят, озорничают,—ворчал он.

— Егор Сидорыч, идите к нам!

Уши художника сообразило, что кричат с высоты, глаза кинулись на башню и разглядели в окне два смеющихся лица. Якимченко повернул в лавру, поднялся на стену,—у него было свободное время,—и вдруг захотелось в подражание молодым людям усесться на окне башни и кому-нибудь помахать шляпой.

На стене его встретили Дема и Лиза, они спускались на площадь.

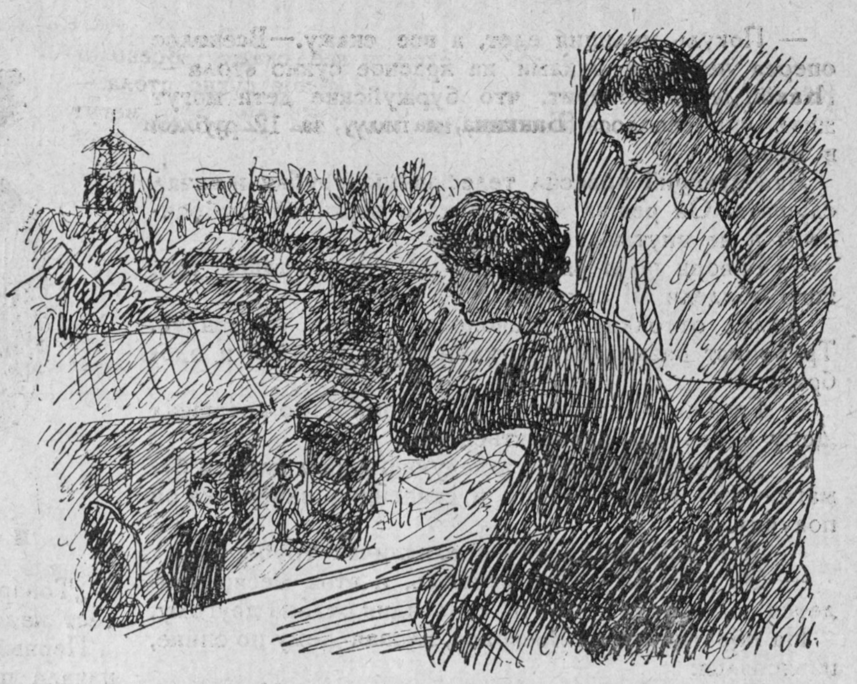
— Ну, озорники, я к вам. В старом петухе проснулся цыпленок, его подмывает взобраться на колокольню и прокричать „ку-ку-реку"! Что вы делали, говорили про любовь?

— Нам, Егор Сидорыч, говорить про любовь рано.

— Можно молчать. Я, помню, в ваши годы любил до безумия эти стены. Как сумерки, уйду и шатаюсь, воображаю, что думаю великие думы.

— Я вот не умею думать,—сказала Лиза.

— Это большая наука, для дум нужны тишина и одиночество. Когда один, тогда приходит дума. Одному человеку нельзя, дума заменяет товарищей, а

Егор Сидорыч, ау!

товарищи заменяют думу. Вы, современные молодые люди, постоянно живете среди товарищей и вы не умеете думать. Впрочем, меня не слушайте, я старый брюзга. Скоро будет сухо, ты, Лизавета, будешь рисовать, я приготовил мольберт.

— Не знаю, Егор Сидорыч.

— А он?—художник показал на Дему.

— Это Шапкин, он в токарной.

— Шапкин, помню, говорили. Познакомимся,—Якименко протянул руку.—Заходи ко мне, полюбопытствуй. Прощайте!

Дема и Лиза остались вдвоем, они молчали, каждый думал о словах Якимченко.

— Чужой, несовременный человек,—заметил Дема,—говорит о чем-то таком, о чем теперь и не говорят.

— Я люблю его,—откликнулась Лиза,—у него все живет, глаза у него совсем особенные и видит он особенно. Поглядит на человека, на дом, на что угодно и скажет, как разденет. А я ничего сказать не могу, гляжу и только. Научиться бы насквозь видеть, поглядел, и все стало ясно—вот я чего хочу. Я люблю Якимченку, его дом с петухами, картины, непонятные слова, люблю все, чего не понимаю, не знаю, не умею. И Лужова за это люблю, что видит он в тыщу раз больше моего.

— Ничего они не видят, глядят назад, а впереди у них туман. По-моему, ихняя жизнь—не жизнь, а сон. Ты, Лизка, иной раз бываешь несовременная, старомодная, думаешь, как Якимченко о том, о сем. Я вот один, на руках у меня сестренка, обоим надо жить, учиться—я знаю для чего работаю в мастерской, в читальне, хожу на собрания,—тут моя жизнь. Поняла? Ты по-барски подходишь, а я по-другому. У меня никого нету, и у Андронова, и у Ермакова—нам делать надо, вырывать, строить. Мы и любим собранья, кружки, бузу любим, все!

Прощаясь, Лиза попросила заходить к ней.

— А то я совсем запуталась. Лужов, Якимченко, школа, ты, Андронов, Гудков. Закрыть бы глаза и просидеть годов десять, ничего не видавши. Заходи, будем гулять и говорить не станем.

РЕКА ИГРАЕТ

Газеты писали о циклонах, антициклонах, предсказывали бурное таяние и высокий паводок, а речка Ванниха, наперекор газетной тревоге, мирно спала под кучами снега и мусора, вывезенного со дворов по зиме. Не могли ее разбудить ни потоки, смывшие весь снег на улицах, ни солнце, раскрывшее почки вербы, ни крики грачей, ни торопливая воркотня влюбленных воробышков, ни крики петухов по утрам и кудахтанье кур, ни призывы беспокойной газеты:

„Организуйте дружины по борьбе с паводком, проверяйте инвентарь спасательных станций. Все лица, активно участвующие в спасательных дружинах, освобождаются на время работы по паводку от службы, с сохранением содержания“.

Проснулась Ванниха в ночь на 21 апреля, разломала лед, разметала снег и начала пробираться к городскому пруду, чтобы разрушить каток.

В небе вихрились темносерые тучи, блистала молния, перекатывался и злобно урчал гром, град и дождь посменно засыпали крыши, улицы, бились настойчиво и требовательно в окна. Какой-то циклон на своих крыльях принес преждевременную грозу. Потоки разнузданно мчались в Ванниху, и она, опьянев, мутным валом кинулась на пруд. Темносиний каток с треском распался. Взбудораженная речонка пошла колесом в берегах пруда, нащупала каменную трубу и кинулась в нее, чтобы расплеснуться по городу.

В предрассвете на пожарной каланче завопил колокол, по булыжнику мостовой прогромыхала команда, в интернат игрушечников вбежал полуодетый Узин и загремел алюминиевой кружкой.

— Дружина, вставай, живей!—кричал он.

Через пять минут суматохи и неразберихи дружинники колонной вышли на улицу.

Плавал туман, в глубине его, за городом, в полях трубила вода и перекликались журавли.

Петухи отбивали крыльями третий час утра и кукурекались из конца в конец города. Ванниха озорничала, она выплеснулась из берегов, затопила базарную площадь и подбиралась к кооперативным складам.

Базарная напоминала гавань во время морского прибоя.

Вода, все поднимаясь, ходила каруселью, смывала будки, ларьки, играла неизвестно откуда приплывшими бревнами.

На мосту была толпа: пожарники разбирали багры и крючья, типографщики раскуривали, комсомольцы из медтехникума переговаривались с отрядом девчонок из Красного креста. Над ними висел мокрый красный флаг, они в суматохе не забыли его.

В городе так уж водилось: красный флаг таскали по всякому случаю; так, недавно школьники первой ступени прикрепляли скворешники в монастырском парке и тоже ходили с флагами.

Председатель исполкома стоял на перилах моста и отдавал приказанья:

— Пожарники будут перевозить мануфактурный склад, типографщики—кондитерский и мучной, медтехникум — мясной, игрушечники должны выловить ларьки и будки, отряд Красного креста разделится пополам, одни будут здесь, другие пойдут на приемный пункт—в семилетку. Ну, товарищи!

К складам поплыли лодки. Флаг медтехникума стал не нужен, его прислонили к дверям городских весов. Игрушечникам выпала тяжелая работа. На маленьких лодчонках, которые летом служили для удовольствия, они пробирались по круговороту крошеного льда и ловили ларьки, будки, бревна. Поймать было просто, но тянуть к берегу трудно. Часто льдины налетали на добычу, разбивали ее, пытались опрокинуть и лодчонки.

Спасавшие кооперативные товары ругались и покрикивали.

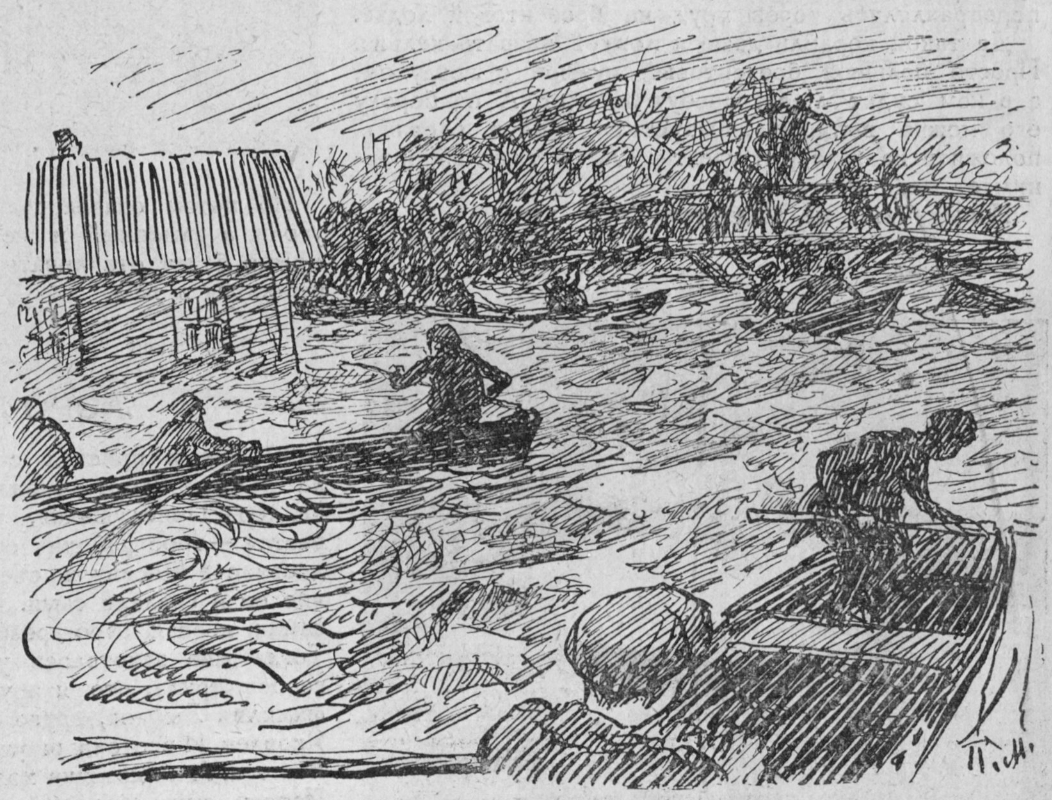
— Черти, живей пошевеливайтесь, освобождайте дорогу. Лед разбивайте!

— Попробуй, разбей!—откликались игрушечники. Они пробовали крошить льдины баграми, но без толку.

В полдень к площади подъехала нагруженная телега. Заведующий столовой № 1 отдернул брезент, и на телеге засверкали блестящие баки, алюминевые тарелки, зарумянились караваи хлеба.

— Пожарники, обедать!—крикнул заведующий. Он был радостен и светел, как бак, в белом фартуке и колпаке собственноручно разливал суп, широким ножом разрезал караваи и угощал:

(Окончание следует.)

Игрушечники ловили ларьки, будки, бревна.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ

О глухонемых деткорах мы писали в прошлом номере. Мы писали о деткорах, которые ничего не видят и не слышат вокруг себя. У нас есть тысяча деткоров. У них тысяча рук и две тысячи глаз. Сколько замечательных вещей они могут увидеть, сколько интересного они могут описать. Письма наших деткоров могут нам, как на ладони, показать всю нашу страну: новые изобретения и открытия, новые фабрики и заводы, наши далекие окраины, малоизвестные места мы можем увидеть глазами наших деткоров.

А деткоры есть везде, где есть школьники и пионеры.

Деткоры! ждем ваших писем, ждем ваших фотографий. Раскройте шире глаза. Изучайте свою страну. Любознательные деткоры не верхогляды, не болтуны—все, что они действительно знают, они рассказывают миллионам своих товарищей. Все ребята могут стать деткорами, все деткоры должны быть любознательными.

Вот первые письма любознательных деткоров; берите с них пример.

КАСКА и МАСКА

В середине мая на нашей улице был пожар. Примчались на автомобилях пожарные, стали тушить пожар. А несколько пожарных надели маски и полезли в горящий дом. Я очень удивился — ведь, не собираются же на пожарных пускать ядовитые газы?

После того как пожар потушили, я подошел к одному пожарному и спросил — зачем он надевал маску.

— А как же,— сказал он мне,— в горящем доме всегда много дыму. Кроме того, при пожарах часто образуются разные вредные газы. Каска предохраняет наши головы от падающих обломков, а маска— глаза и легкие от дыма и газов.

Сережа Сойнин

Ленинград

НЕВИДАННЫЙ КОРАБЛЬ

26 мая в Москве, в Измайловском зверинце, было гулянье. И вот я там увидел, как красноармейцы переправлялись через пруд на брезентовой лодке.

Да такой корабль даже и лодкой назвать нельзя. Просто большой брезентовый пузырь с воздухом, а в нем сидят люди, гребут и едут. А на берегу его можно вытащить, выпустить воздух, сложить, положить на телегу и увезти. Он не тяжелый и занимает мало места.

И выдумают же люди тоже.

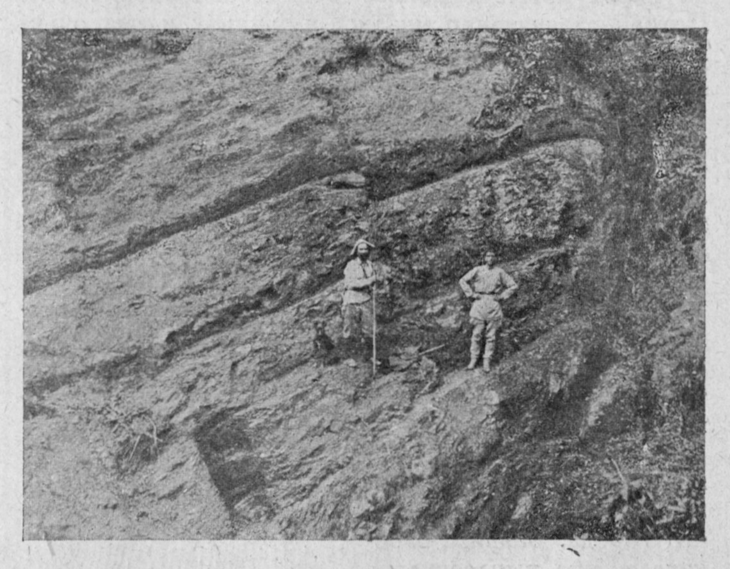
Леня Федин

Москва

ДЕВЯТНАДЦАТЬ МЕТРОВ УГЛЯ

Приезжали в нашу деревню инженеры и уехали. Потом опять приехали очень довольные. Говорят, что нашли уголь. Мы сразу не поняли, чего они радуются и думаем—вот диво-то: разведи костер, дрова сгорят, и сколько угодно углей будет. А они нашли один уголь и радуются.

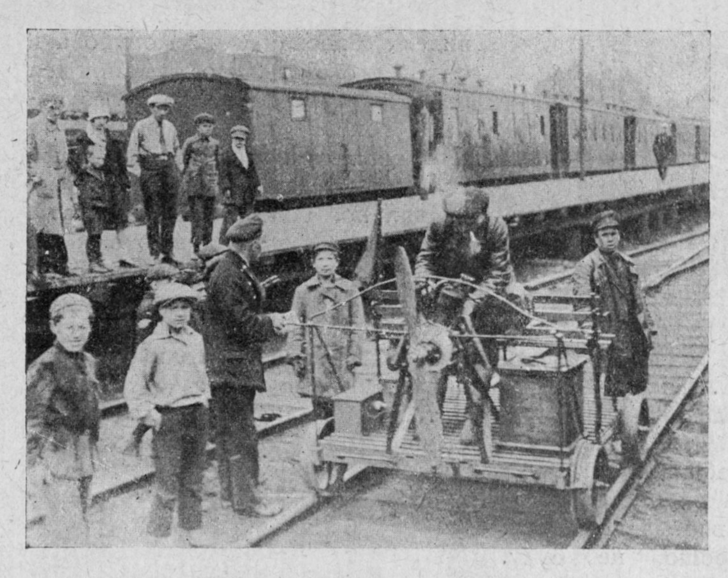
Но потом оказалось, что нашли они не простой уголь, а каменный и не один, а столько, что им можно будет отапливать фабрики, заводы, паровозы пароходы и т. д.

Миша Стогов

Тварчельск

АЭРО-ДРЕЗИНА

30 мая я приехал с дачи в Ленинград. Вижу на рельсах стоит тележка, а на ней мотор и пропеллер. Прислушался, что говорят люди, оказывается — трое рабочих отправляются на этой аэродрезине в Москву на съезд Осоавиахима. Эти рабочие ее и сделали сами. И еще оказывается, что это самая первая аэро-дрезина во всем нашем СССР. Тогда мне захотелось узнать фамилии этих наших героев труда, что я и узнал от них самих: одного фамилия Зыбков, другого—Герасимов и третьего— Яковлев. И все они работают рабочими на ст. Малая Вишера. А их дрезина ходит по 80 километров в час. Потом они сказали мне, что с удовольствием

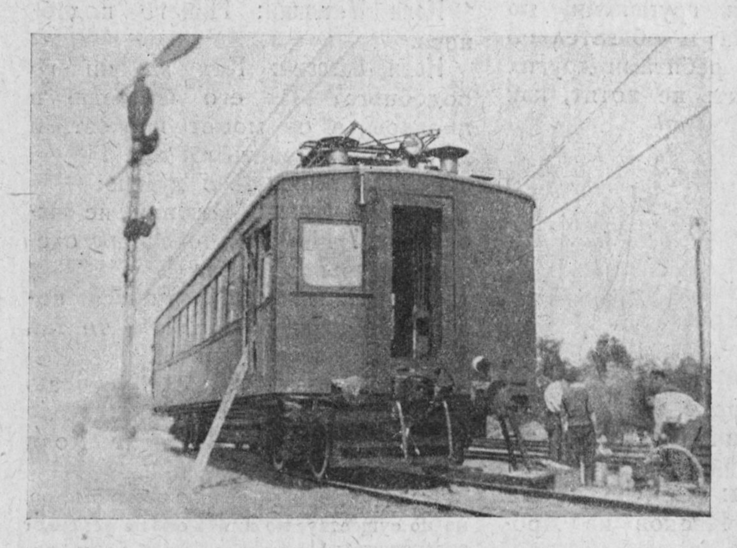
покатали бы меня на ней, да им сейчас некогда. Так они уехали. Да, еще чуть не забыл самого главного—сделали они дрезину из старых материалов и старого мотора от аэроплана.

Вася Николаев

Детское Село

ЭЛЕКТРОПОЕЗД

На ст. Мытищи недавно произошла странная вещь: по заводской ветке к станции без паровоза приехали три вагона. Оказалось, что это электропоезд. Он подошел к платформе, а я подошел к нему. В открытое окно я увидал механика. Он сидел в маленьком купе. Стенки купе были густо усеяны

всякими выключателями, кнопками и рычагами. Подошел я близко к окну, а из него высунулся механик.

— Это электропоезд?—спрашиваю.

— Электропоезд.

Ну, стал я расспрашивать, как он устроен, а механик мне все и рассказывает. Оказывается средний вагон—моторный, а крайные—прицепные. Моторный вагон стоит на 4 осях, а у каждой оси установлен мотор в 200 сил. Всего выходит 800 сил.

А выключатели, кнопки и рычаги в кабине управления (так называется купе, в котором сидит механик) нужны для того, чтобы включать и выключать ток в мотор, приводить в движение разные приспособления электропоезда, зажигать свет и т. д.

Впереди же в кабинке находится тумба с рукоятками, вроде трамвайных. И тут тоже почти как у трамвая — повернул, рукоятку и поезд поехал. Ну, есть еще воздушный тормоз Казанцева, прибор измерения скорости и много еще всяких приборов.

В каждом вагоне могут сидеть 106 человек. Во всем поезде выходит 318. А если еще пассажиры будут стоять в проходах, то такой поезд увезет сразу 500 человек.

Ходить электропоезд может очень быстро: Около 100 километров в час.

На следующее утро мне удалось сделать три фотоснимка, которые я и посылаю вместе с этой заметкой.

ст. Мытищи, Сев. ж. д. Ваня Петров

ТИГР В ЛЕСУ

28 мая я пошел с ведром к колодцу. Вдруг вижу бежит Петька Юшин, пастушок, и кричит. Повыскакивал народ, давай спрашивать, в чем дело и почему он бросил стадо. А Петька говорит, что из лесу выскочил большой полосатый зверь и дерет телушку.

Тут собрались наши охотники, похватали ружья и пошли смотреть. А один поехал верхом на лошади.

К вечеру все охотники вернулись и при везли с собой убитого полосатого зверя, который оказался тигром. А только тигр сожрал телушку и того коня, на котором ехал один охотник, сильно подрал.

На другой день все узнали, что этот тигр убежал из клетки из поезда. Его везли из Москвы в Ленинград, чтобы увезти заграницу.

дер. Гончары

Деткор „Плуг“

Наверху Петя Юшин, внизу тигр и охотники

(митинг о дружбе продолжается)

Маруся Губкина: (влезая на трибуну)—Здравствуйте, ребята! объявляю митинг о дружбе открытым. Слово имеет...

Голоса: Кузька где?!
Давай Кузьку!
Пусть Кузька ведет митинг!
Мы тебя не знаем!
Долой!!!
Кузьку-у-у-у!!!

Маруся Губкина: (затыкает уши и кричит) Ти-ше!!! (становится тихо). Ребята, вы же знаете, что Кузька исчез и где он—неизвестно. Нельзя же не открывать...

Миша Френкель: Ну, конечно, нельзя!

Коля Матюнин: Тише, Миша,—кот на крыше!

Маруся Губкина: Так вот, я говорю—ведь нельзя же не открывать митинга только из-за того, что Кузьки нет.

Голоса: Правильно!
Нельзя!
Открывай!

Маруся Губкина: А я—Маруся Губкина, я еще о заметках деткоров в девятом и одиннадцатом номерах „Бумеранга" писала. Так-что мы с вами уже давно знакомы.

Голос: Ага-ааа...

Маруся Губкина: Теперь—давайте начинать. Откройте девятый номер „Пионера" и посмотрите—о чем мы решили говорить на следующем, т. е. на этом заседании.

Шевякова: О дружбе между ребятами разных национальностей.

Маруся Губкина: Слово имеет...

Миша Френкель: Разрешите мне вне очереди еще одно слово. Я хочу поправить ошибки, и...

Маруся Губкина: Стой, стой, стой!!! Ты, Миша, уже говорил в седьмом номере.

Миша Френкель: Да я-ж немного...

Маруся Губкина: Нет, нет—нельзя. Слово имеет Б. Эренпрайс из Ленинграда.

Эренпрайс: Дружба в нашей детской семье является необходимым средством...

Саша Ягунов: ...для плодотворной работы. Знаем, ты нам по существу.

Голоса: Не перебивай.

Саша Ягунов: А он пусть не говорит того, что все давно знают.

Эренпрайс: Хорошо, не буду. Так, по существу: может ли советский школьник в полном смысле этого слова дружить с сыном нэпмана или кула...

Маруся Губкина: Эренпрайс! мы собрались, чтобы говорить о дружбе между ребятами разных национальностей, а ты о нэпманах говоришь.

Эренпрайс: Ну что же я сделаю, если я обо всем написал?

Коля Савосин: А ты об одном говори.

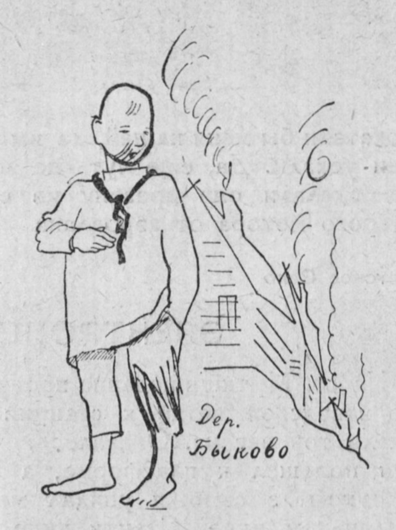
Эренпрайс: Ладно. — У нас в большинстве случаев ребята дружат небольшими группками, по два-три человека и обязательно одной нации. С ребятами других наций они дружить не хотят, как они выражаются, потому, что не хотят „заражать эту группу кровью другой нации". А по-моему так: кровь у всех наций одинаковая—красная, и эти ребята говорят так от несознательности и надо им это разъяснить. Вот.

Маруся Губкина: Сейчас будет говорить Петя Иванов из Ярославля.

Петя Иванов: Я хочу рассказать об одном случае, происшедшем в нашем отряде. У нас есть один пионер—еврей по национальности. И вот однажды, когда мы клеили и рисовали плакаты к 1 мая, пионер Конуров поспорил с ним, назвал его „жидом", схватил кисть, обмакнул в клейстер и вымазал ему все лицо. А когда еврейский мальчик стал плакать, Конуров ударил его несколько раз по голове. Все ребята, которые это видели, бросились на Конурова и стали его бить. Но тут пришел вожатый и не позволил этого делать. Теперь мы хотим исключить Конурова из отряда, но вожатый говорит, что исключать,—это неправильно, а надо перевоспитать.

Маруся Губкина: Слушайте Колю Савосина из деревни Быковки, Нижегородской губернии.

Коля Савосин: Товарищи! Нам нужно дружить не только с русскими, но и с евреями, татарами и т. д. Зато не нужно дружить с сыновьями и дочерьми кулака...

Коля Матюнин: Ничего подобного.

Коля Савосин: Как же ничего подобного? Ты его примешь в пионеры, а он может пролезть и дальше! Не давать им ходу!

Коля Матюнин: А я думаю:

Маруся Губкина: Матюнин, не выскакивай! Не твоя очередь, очередь Шуры Есакова.

Коля Матюнин: Ну, Маруся, позволь мне вне очереди, а то так этого нельзя оставить!

Шура Есаков: Ладно, уступаю свою очередь.

Маруся Губкина: Говорит Коля Матюнин из г. Лебедяни.

Коля Матюнин: (говорит очень быстро, не по существу, но никто его не успевает остановить). Я думаю, что если детей кулаков и нэпманов втягивать в свою, пионерскую среду, то они в конце-концов пойдут по советскому пути. Случаев таких очень много. Но, если мы будем...

Маруся Губкина: Матюнин, не по су...

Коля Матюнин: (еще быстрей)... детей кулаков отталкивать от себя, то мы своими руками создадим себе классового врага, который будет мешать строить социализм. Поэтому мы должны

дружить с ними и взять их под свое влияние. Я кончил.

(Гром аплодисментов. Коля Матюнин смущенно садится).

Маруся Губкина: Говори, Есаков, твоя очередь.

Шура Есаков: Я говорю из Минска. У нас часто замечается, что еврей дружит с евреем, русский—с русским, поляк—с поляком и т. д. А если подружатся еврейский мальчик и русский мальчик, то ребята это осмеивают и русские ребята говорят русскому, а еврейские — еврейскому мальчику: „с кем ты дружишь, дурак, неужели не мог подыскать своего?—и в результате—часто друзья расходятся. Так, по-моему, ребята, не годится. О тех, кто мешает дружить ребятам разных национальностей, надо писать на страницах „Пионера“. Для современной школы...

Миша Френкель: (Перебивает). А факты где? Почему же ты не пишешь?

Шура Есаков: Да я... да... ну и вообще—я кончил.

Миша Френкель: Ага, кончил! Ты только...

Маруся Губкина: Френкель, тише!

Миша Френкель: Я ничего! ни-ни!

Маруся Губкина: Слово имеет Саша Ягунов.

Голос: Откуда?

Маруся Губкина: Из города Саранска.

Саша Ягунов: Между эскимосом далекого севера, негром жаркой Африки, китайцем и русским не должно быть никакой вражды. Пионеры должны бороться с национальной враждой и крепить интернациональную дружбу и в нашем Союзе, и во всем мире. А для этого, в первую очередь, мы должны изгнать всякую национальную вражду из нашей пионерорганизации, потому что пионер— друг и товарищ детям всего мира и пионер — всем ребятам пример.

Маруся Губкина: Сейчас от имени Всесоюзной делегации в колонии трудящихся-евреев будет говорить Авдышева.

Авдышева: Часто говорят про евреев, что они не умеют трудиться. Это неправда. Вот что мы видели в еврейском поселке „Хаклаи“: когда поселок только зарождался—переселенцы жили в деревянных пакгаузах. Теперь это не поселок, а целый город. Переселенцы построили водокачку. В поселке есть школа, которая переделывается в ШКМ. Поселковая больница обслуживает окружающие деревни. Есть в поселке баня и кооператив. В одном дворе мы видели трактор. Третий год трудятся переселенцы над виноградником, и в будущем году получат первый урожай. И кроме всего этого—есть в поселке своя радиостанция.

Эти факты говорят за то, что евреи умеют не только трудиться, но и культурно жить.

Маруся Губкина: Дальше говорит Шевякова.

Шевякова: А ты скажи, что я из Сызрани.

Маруся Губкина: Шевякова—из Сызрани.

Шевякова: Ребята! я хочу сказать о дружбе с ребятами других национальностей. По-моему, никакой дружбы с ними нет. Очень часто слышишь, как ребята дразнят евреев. Для этого у них есть даже специальные песенки. Так же дразнят, как только увидят китайцев-фокусников и продавцов игрушек. Все это, ребята, очень нехорошо и с этим надо вести борьбу. Все.

Маруся Губкина: Ну, товарищи, ораторов больше нет, есть только Миша Френкель из Шепетовки, но он говорил уже в седьмом номере. Как: дать ему слово, или не давать?

Голоса: Дать!
Дать.
Пусть говорит!
Вали, Мишка!

Маруся Губкина: Ну, Миша, говори, только покороче.

Миша Френкель: Я быстренько!

Дорогие товарищи и многоуважаемая редакция! Я хочу поправить ошибки и подтвердить фактами свою речь в седьмом номере „Пионера“. Редактор предложил мне тогда привести факты.

— Пожалуйста! Вот вам факты: взгляните на „Камчатку“ в „Пионере“, на „позорную страницу“ в „Пионерской Правде“—везде вы найдете: „русские побили евреев“, кричали—„жид“ и т. д. Чтобы уничтожить это зло — нужно разъяснять хулиганам и несознательным ребятам их ошибки, нужно устраивать показательные товарищеские суды, нужно пристыдить антисемитов. Я думаю, что такими мерами можно добиться многого.

Давайте добьемся, чтобы не было в пионерской организации ни одного антисемита.

Шевякова: А среди школьников как же?

Маруся Губкина: Ну ясно, и среди школьников не должно быть антисемитов.

Больше желающих говорить нет?

Голоса: Нет!.. Нет!..

Маруся Губкина: Тогда скажу я. Мы, конечно, должны дружить, не разбираясь в национальности...

Голоса: Знаем!..

Маруся Губкина: Очень часто национальную вражду в ребятах воспитывает семья. Поэтому мы должны повести работу в семье. Мы не должны мириться с проявлением национальной розни даже в самой малой степени. Нужно тут же объяснять ошибки ребят и то зло, которое они приносят. Нужно выступать против разжигателей национальной вражды всюду—в школе, дома, в отряде, на улице и т. д.

Конечно, Конуров совсем не по-пионерски сделал, избив своего товарища-пионера только за то, что тот—еврей. Но плохо сделал и их отряд, во-время не заметивший у Конурова его недостатков. Нужно узнать — не из семьи ли выносит вражду к евреям Конуров. И, конечно, его исключать из отряда не надо. Вожатый прав — его нужно перевоспитать. Ведь оттого, что его исключат из отряда, он не перестанет быть антисемитом.

А теперь объявляю митинг закрытым до следующего заседания.

СЕВЕРНАЯ КОММУНА

Л. Берман написал очень интересную книгу. Она называется „Северная коммуна". Северная коммуна это название нынешней Ленинградской области в первые годы революции. Книга и описывает Ленинградскую область. Книги, которые рассказывают о хозяйстве, бывают часто очень скучны. Цифры и цифры, целые страницы таблиц и вычислений. Северная коммуна не такая книга. Вся она состоит из небольших рассказов.

Для того чтобы читателям „Пионера" не приходилось верить нам на слово—печатаем два оасссказа из этой книги. Судите сами.

400 000

В 1923 году в Чехо-Словакии царило большое волнение. Перед зданием, где собирался совет министров, стояла дюжина автомобилей. Журналисты шныряли всюду, прислушивались к разговорам, ежеминутно забегали в кафе и звонили оттуда в свои редакции.

— Вы слышали?

— Говорят, их 400 тысяч!

— Нет, полмиллиона!

— Они уже прибыли в Прагу.

— Сейчас заседает совет министров. Все меры будут приняты.

Казалось, какой-то неприятель наступал на Чехо-Словакию. Более того, из других разговоров можно было заключить, что неприятель этот идет со стороны СССР. Ничего, что Чехо-Словакия не имеет с нами общих границ. Эти четыреста тысяч, о которых шла речь, прибыли морем, пройдя в пути через семь портов. А теперь они отдыхали с дороги в больших ящиках на товарном складе, блестя черным лаком с красной маркой—серп и молот—на каждой подметке.

„Красный Треугольник" впервые вывез за границу 400 000 пар галош.

Русские галоши появились на заграничном рынке впервые после 1914 года.

Резиновых фабрикантов это ударило прямо по сердцу. Нет, хуже. По кошельку. Дела шли прекрасно, а теперь снова такая угроза. Они подняли страшный крик. Большие газеты, связи с правительством—все было пущено в ход, чтобы только сбить с позиции нового противника. Кричали, конечно, не об угрозе для их барышей, не говорили даже ничего дурного о качестве галош. Ухватились только за красную марку—серп и молот.

„Советское правительство действует в нашей стране уже не при помощи слов, не при помощи агитаторов. Оно от слов перешло к делу и пустило в ход галоши. Мир и порядок в нашей стране под угрозой красного призрака. Вышлите нежелательных иностранцев! Вон непрошенных гостей!—Спасайте родину".

И скоро газеты возвестили:

„Совет министров постановил: в виду того, что галоши с красной маркой — серп и молот — имеют определенную агитационную цель—запрещается торговля галошами под означенной маркой".

И неприятель вынужден был отступить. Галоши уехали из Чехо-Словакии.

Тем не менее, вывоз „Треугольника" заграницу постепенно наладился и дошел до $1^1/_2$—2 миллионов пар галош в год.

ЯХТА МИЛЛИАРДЕРОВ

25 октября 1925 года огромная железная коробка, стиснутая с боков и с закругленными краями, скатилась в Неву, оставляя за собой белые полосы. пены. Над коробкой на небольшом флагштоке трепался по ветру красный флаг с серпом и молотом.

Коробка пошла поперек Невы, загромождая собой фарватер. Потом ее остановили и подвели поближе к берегу.

Пароход, на носу которого было выведено имя „Сталин", был заложен в январе 1925 года на Балтийском судостроительном заводе, одновременно еще с тремя пароходами. Это должны были быть первые советские торговые суда, приспособленные для перевозки леса и зерна.

В прежнее время у нас мало заботились о своем торговом флоте. Строили в год один—два корабля.

Петербургские судостроительные заводы работали, главным образом, на военный флот. В наших же портах из ста кораблей только десять шли под русским флагом, да и те большей частью принадлежали немцам и датчанам. Между тем, наша торговля в прежнее время шла—и теперь идет—главным образом, морским путем. Морские перевозки и обходятся, ведь, раз в десять дешевле железнодорожных.

Потому-то, как только стало возможно возобновить работу на наших заводах, мы приступили к постройке своих торговых судов. Балтийский судостроительный, Путиловская верфь огласились стуком

пневматических молотов [1]. Закладка этих судов была для нас настоящим большим праздником.

Над стапелями завода, над той площадкой, на которой должна была производиться постройка, подымалось большое красное полотнище со словами:

На корме советских пароходов
с красными флагами
мы понесем и красные надежды
нашим заграничным братьям

Рабочие, инженеры и гости сходились на митинг, и только потом начинали греметь пневматические молоты, приклепывающие первые листы к железным ребрам.

Во все время постройки вокруг работ ходил английский морской инженер. Он внимательно просматривал чертежи, интересовался материалами, которые доставляли на завод, присматривался к тому, что показывают испытания механизмов. Не было ни одной детали, которую бы он не знал. Может показаться странным, что ему позволяли всюду совать свой нос, что от него не было секретов при постройке советского парохода.

Но дело в том, что ни один грузоотправитель не согласится доверить свой груз судну, не проверенному самым внимательным образом. Более того, ни одно страховое общество не примет на себя страховку такого судна, а если и примет, то только по очень высокому тарифу.

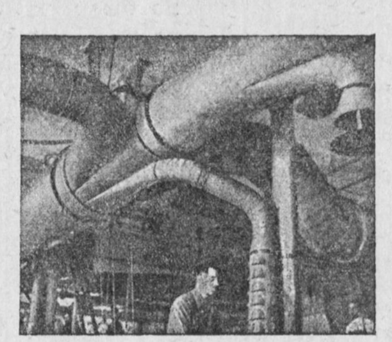
Владелец судна ежегодно уплачивает страховому обществу определенную сумму денег. Страховое общество как-будто только то и делает, что принимает взносы. Какой же, спрашивается, смысл в страховке?

А вот какой: случись с судном какое-нибудь несчастье — страховое общество возмещает владельцу его убытки, без чего ему зачастую и невозможно было бы оправиться от катастрофы.

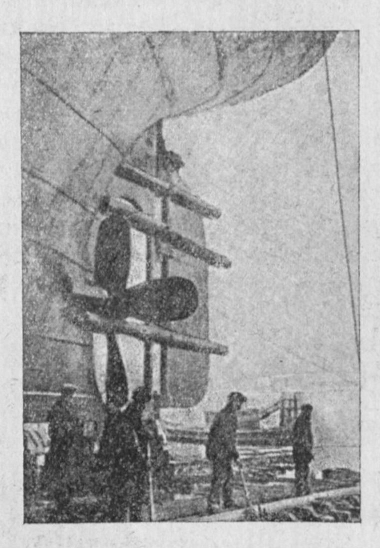
Своими взносами владелец обеспечивает себя на черный день. А так как несчастий на море случается не так много, то получаемые страховым обществом взносы дают ему полную возможность выплачивать в случае необходимости крупную сумму пострадавшим.

Поэтому-то для строящегося корабля выгодно получить свидетельство о хорошей постройке. Наблюдение за постройкой новых судов чаще всего ведут те же страховые общества. Самым известным из них является английское общество „Lloyd's Register". Оно-то и командировало на постройку наших судов своего инженера-наблюдателя.

[1] Автоматических молотов, приводимых в движение сжатым воздухом.

Вентиляционные трубы на фабрике.
Фото из книги.

Перед спуском на воду.
Фото из книги.

И этот инженер-наблюдатель мог быть доволен. „Сталин" и его три товарища представляли собой однопалубные суда с усиленным креплением носовой части, руля и винта для хода во льду.

Их трюмы отличаются своей длиной. Это сделано для того, чтобы можно было перевозить лес, но их можно нагрузить также и зерном. При этом, чтобы избежать пересыпания груза, в них устанавливаются поперечные деревянные переборки. Летом наши лесовозы должны работать по перевозке леса из Архангельска в порты Европы, а зимой повезут туда же хлеб с юга СССР.

На них установлены электрические лебедки, которые легко, быстро и бесшумно могут производить погрузку. Для удобства управления применены все новинки в области мореходной техники.

— Splendid! [1]—говорил инженер „Ллойда", но перед одним он остановился в недоумении. Он так и не мог понять, к чему это делается.

Вместо темных, грязных, тесных кубриков, в которых на „иностранцах" помещается команда, для нее были сделаны просторные, светлые каюты. Каждая каюта оборудована хорошими койками, шкафами для платья, столом и стульями. Для команды имеются столовая, души, ванна, прачечная.

— Все хорошо.—говорил англичанин,—но это... этого я не понимаю. Команда... это все-таки только команда, а лесовоз—не яхта миллиардера.

Впрочем, на морских качествах парохода это не отзывалось, и инженер протестовать против этого не стал.

А наши балтийцы только улыбались на его слова. Не миллиардеры—верно. Но они и на море остаются гражданами Советского Союза и хозяевами своих кораблей.

Книга все-таки не без недостатков. На обложке бумага гладкая, думаешь что и внутри она такая же. А книга напечатана на полубелой бумаге.

Диаграммы и рисунки плохие. Их надо чуть ли не в лупу рассматривать, а рассмотришь—ничего интересного. Если книгу будут переиздавать—надо сделать новые рисунки.

Кое-где непонятно описана работа машин и опять-таки мало рисунков, которые поясняли бы это.

Ленинградские ребята знают про эту книгу. Надо прочитать ее и ребятам из других областей. Кроме того, нужно, конечно, для каждой области издать такую книгу.

Мы должны знать Советскую Страну.

Стоит книга 90 коп. в ней 233 стр.

---

[1] Великолепно!

БЕЗ НЯНИ НИКАК НЕ МОЖЕМ...

(На фабрике имени Свердлова)

Вышло так, что никто из редакции журнала „Пионер" не заглядывал к пионерам фабрики имени Свердлова недели две. Некогда было: тут и к Всесоюзному слету готовиться надо, и к лагерям.

Впрочем, никто в редакции особенно не беспокоился — думали, что работа там кипит во-всю.

Все-таки 24 мая поехал на Свердловку секретарь журнала „Пионер". Он прихватил с собой и фотографа.

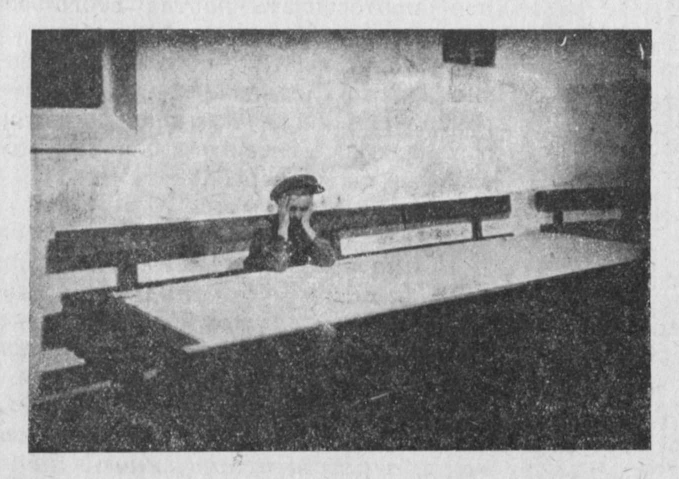
24 мая пятница. В пятницу должны быть звеньевые сборы 25 отряда и совет 76 отряда. Ни звеньевых сборов, ни совета отряда не оказалось. Зато оказалось много другого:

Заколоченная дверь

Дверь пионерской комнаты крепко заколочена огромными гвоздями. Оказывается, что один из членов штаба потерял ключ. Тогда фабком заколотил дверь и сказал, что пионеров в эту комнату больше не пустит. Так что собираются ребята теперь в зале.

Вожатый звена Елкин

В зале пусто. Только за одним столом сидит вожатый 6-го звена 25-го отряда Елкин. Опустил Елкин голову на руки и глубоко задумался.

Сидит Елкин — ничего не замечает.

„Где-то — думает — теперь мое звено? Может в Париже? Впрочем, наверно, не в Париже... Не собирается звено..."

Подошел фотограф к Елкину — он думает. Фотограф установил аппарат и сфотографировал Елкина,—а он все думает. Наконец очнулся Елкин и рассказал, что звено не собирается, руководитель звена по химии не приходит и звено поэтому не работает. И не подумал Елкин, что можно кроме химии придумать какую-нибудь другую работу.

Где-ж звенья?

Вдруг прибегает в зал человек пять ребят. Секретарь редакции спрашивает, будут ли у них сборы звеньев?—А у нас сегодня сбор назначен в кино,— отвечают ребята. Эти ребята ушли. Потом приходили другие. И у них „сбор звена назначен в кино". Оказалось, что у всех звеньев сборы в кино.

Удивительно это все-таки: что-то до этого нигде не слышно было, чтобы звенья устраивали свои сборы в кино. А главное, — тайком от своих вожатых.

Фроинд никого не выпускает.

Героический Фроинд

Часам к 9 вечера стали приходить ребята — члены совета 76-го отряда. Пришел и вожатый 76-го отряда. Пришло человек пять, ждут остальных. Однако, никто не приходит. Ребята волнуются и хотят уходить. Тогда секретарь совета отряда Фроинд становится к дверям и никого не выпускает, а его товарищ стоит рядом и убеждает ребят не уходить: — что-ж это будет, — говорит он,—если совет отряда не состоится? Ведь, тогда и работы никакой не будет...

Ребята согласились подождать еще немного. Подождали — никто, не пришел и они ушли. Так и не состоялся совет 76-го отряда.

Любители фото

Это вовсе не фотолюбители. А это ребята, которые очень любят сниматься. Ходили они, ходили

Группа «фотолюбителей».

НА СЛЕТ!!! НА СЛЕТ!!! НА СЛЕТ!!!

СЕМЬ ДНЕЙ СЛЕТА. 25 000 ЧЕЛОВЕК НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. ВСЕСОЮЗНАЯ СПАРТАКИАДА. КАК РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ. ВСЕ НА ЭКСКУРСИИ. МАНИФЕСТ НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ.

ПЕРВЫЙ

В середине августа в Москве будет происходить Первый Всесоюзный пионерский слет.

Для того чтобы хорошенько познакомиться с московскими пионерами, делегаты слета будут жить у них на квартирах и в общежитиях.

5 000 делегатов приедут в Москву на слет. Они будут организованы в землячества (чуваши, ленинградцы, ойраты и т. д.). А землячества разобьются на отряды (отряды на звенья).

НАКАНУНЕ

слета московские пионеры устроят в пионерских и профсоюзных клубах вечера. На этих вечерах делегаты слета будут знакомиться с московскими пионерами.

15 АВГУСТА

25 000 человек будут на Красной площади открывать Первый Всесоюзный пионерский слет. Откроется слет парадом-митингом. Принимать парад будут **ЦК ВКП (б), ЦК ВЛКСМ и ЦБ ДКО.**

Вечером все делегаты слета пойдут в кино.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

С утра начнется Всесоюзная спартакиада. Между республиками, краями, областями и губерниями будут происходить соревнования по военным знаниям, играм, физкультурным упражнениям, танцам и пляскам и по трудподготовке. Для последнего вида нужно будет выставить свои экспонаты.

Во второй половине дня будет общая конференция. На ней ЦБ ДКО сделает доклад об опыте работы по-новому. Выступят от ЦК ВКП(б) и правительства. Затем конференция будет слушать отчеты пионерорганизаций Союзных республик, и, наконец, выступят представители от иностранных пионерских делегаций и М. Д. Б.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

В первой половине дня делегаты пойдут на экскурсии: на фабрики и заводы, в Музей Революции, в Политехнический музей, в Кремль, Зоопарк и музей «Москва в Октябре».

Вечер этого дня ничем не будет занят, и делегаты пойдут в театры и цирки.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

В первой половине дня—продолжается спартакиада. На этот раз будут происходить соревнования живых газет, оркестров, хора и театра Петрушки. Эта спартакиада будет происходить по клубам. Во второй половине дня—продолжение конференции. Конференции будут происходить в рабочих клубах Москвы и будут посвящены отдельным вопросам пионерской работы (участие в борьбе за повышение урожайности, об участии в социалистическом соревновании, о работе с неорганизованными и т. д.).

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

В первой половине дня—экскурсии. Во второй—открывается выставка, в которой будет показана общественная работа пионерской организации и трудподготовка пионеров.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

С утра — окончание конференции Вечер — свободный.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ

Весь слет переносится на Ленинские горы. Там будет принят манифест к детям трудящихся СССР и всего мира.

А вечером московские пионеры устроят торжественные проводы делегатов слета и они разъедутся по своим краям, расскажут там своим товарищам о слете и еще энергичней возьмутся за работу.

за фотографом, а потом главный любитель Жора Богомолов и говорит,—а вы нас снимите? Фотограф очень удивился и спросил — а зачем же я вас буду снимать?—Тогда Жора сказал, что фотографию можно потом напечатать в журнале. Фотограф согласился и снял. Только для того, чтобы интересней было смотреть, он их построил в пирамиду. Смотрите—Жора Богомолов в белой рубашке.

Хитрый фотограф

Потом секретарь журнала „Пионер“ и фотограф пошли домой. Дошли до угла — фотограф и говорит — мне направо. И пошел направо. А секретарь пошел налево, сел на трамвай и уехал домой.

Фотографу совсем не направо нужно было. Направо находилось кино, то самое, в котором назначены были сборы всех звеньев 25-го отряда. Вход в это историческое кино он и снял.

Что же делать?

Плохо все это. Плохо, что звенья не собираются, плохо, что совет отряда не состоялся, плохо, что работа не ведется.

А все потому, что ребята привыкли, чтобы работу за них кто-то направлял. Если же пришел руководитель звена по химии, то и сбора нет.

Надо ребятам составить другие планы работы, надо учесть, что теперь лето и надо заниматься интересными делами, устраивать прогулки за город, катания на лодках, игры на открытом воздухе, вести натуралистическую работу и т. д.

А главное — не нужно ожидать пока кто-то придет и что-то сделает, от чего вся работа оживится и все станет хорошо. Все это надо сделать самим.

В этом кино происходили сборы всех звеньев.

Цена 20 коп.

ЗМЕИНАЯ СТРАНИЦА

У нас почему-то змеи всегда одной и той же формы. В других странах летают змеи самых разнообразных форм. Особенно интересны змеи в Китае и Японии. Давайте и мы сделаем рыб, черепах, драконов. Пусть полетают.

Рис. 1.

ЗМЕЙ — КИТАЙСКИЙ ДРАКОН

Верхняя или горизонтальная палка — 91 *см* длины, 13 *мм* ширины и $3\frac{1}{2}$ *мм* толщины. Для лица дракона делается круг из расщепленного камыша или просто из ивовых прутьев. Круг прикрепляется к горизонтальной палке. Затем две другие петли, как показано на рисунке, делаются из того же материала и служат остовом для крыльев. На этот остов наклеивается бумага, которая спереди свободно свешивается вниз от поперечной палки (1—2), как фартук.

Голову нужно разрисовать яркими цветами и украсить осколками зеркала. Осколки приклеиваются или прикрепляются ниткой и должны болтаться свободно.

Все это делает верхушку змея довольно тяжелой, но она уравновешивается хвостом змея, который состоит из тринадцати круглых змеев, 25 *см* в диаметре, соединенных между собою бичевками. Остов для этих бумажных кругов делается из расщепленного камыша или другого подходящего материала, а затем оклеивается бумагой. К каждому из этих кругов нужно прикрепить тонкий кусок камыша с хохлатой головкой. Такой же пучок прикрепляется бичевкой к противоположному концу камыша, чтобы придать ему равновесие. Кроме того, на каждом конце камыша у самого пучка прикрепляется из красной материи язычок, а к самому нижнему камышу прикреплены еще два длинных ярких хвоста из материи.

Бичевки путлища делаются, как и у обыкновенного змея, и прикрепляются к лицу вверху и внизу и пересекают друг друга приблизительно против переносицы.

Рис. 1 изображает передний вид готового змея. Рис. 2 изображает сбоку два круга и каким образом они соединены бечевками. Расстояние между каждыми двумя кругами делается в $16\frac{1}{2}$ *см*. На 3 рис. показано, где прикрепляются к кругу камыши и бечевки.

ЗМЕЙ — РЫБА

Отколите две сосновые лучинки и выстрогайте их так, чтобы они гнулись. Лучинки должны быть одной длины и одинакового веса. Скрепите вместе верхние концы обоих лучинок, проколов их булавкой и загнув ее острый конец. Согните каждую лучинку в виде лука и держите их в этом положении, пока не укрепите поперек третью лучинку, приблизительно на расстоянии одной трети от верха, так чтобы выступающие концы поперечной лучинки были одинаковы. Шириною рыба должна быть около половины своей длины. Нижние концы продольных лучинок должны перекрещиваться на большом расстоянии от конца, чтобы образовать хвост рыбы. В пересечении лучинки закрепляются. Чтобы сделать хвост, натяните бечевку между концами лучинок хвоста, затем к середине ее привяжите другую бечевку и пропустите ее вверх к основанию хвоста, подтяните и закрепите другой ее конец в пересечении боковых лучинок. Таким образом, получите естественную форму хвостового плавника. Остальные бечевки прикрепите по чертежу, следя за тем, чтобы оба плавника были одинаковой величины.

На остов рыбы наклеивается папиросная бумага желтого, красного или зеленого цвета. После того, как бумага аккуратно наклеена и просушена, разрисовываются тушью или черной краской жабры и плавники. Нитки путлища надо прикрепить к боковым лучинкам ближе к голове и хвосту так, чтобы они перекрещивались, как в обыкновенном змее. Веревку хвоста прикрепите к хвосту рыбы.

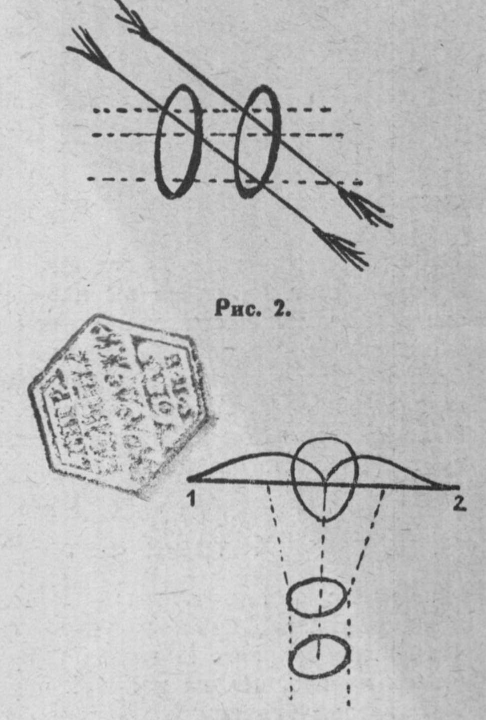
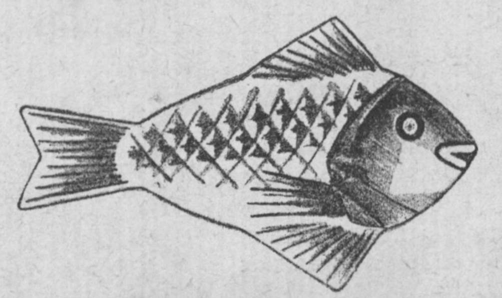
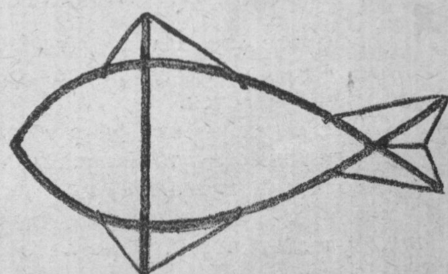

Рис. 2.

Рис. 3.

Москва. Главлит А 41.189. Изд. № 3.491. „Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9. 37.000 экз.